

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ / ORIGINAL ARTICLES

Расширение значения термина «документ» как фактор возможного переосмысления объектов библиометрии, наукометрии и информетрии.

1. К эволюции понятия «документ»

Владимир С. Лазарев

Белорусский национальный технический университет
пр. Независимости, 65, г. Минск, 220013, Республика Беларусь

Аннотация

Введение. В контексте методологических проблем библиометрии рассмотрено представление об объекте библиометрии — документе. В связи с представлением автора о том, что документ является также составляющей объектов наукометрии и информетрии, причем доля этой составляющей весьма высока, представляется важной попытка рассмотрения эволюции, которую понятие «документ» претерпело со словарного определения 1975 года, поскольку в восприятии документа как объекта библиометрии не просматриваются изменения, которым подверглось понятие «документ» вне приложения его к «метрическим» исследованиям.

Материалы и методы. Аналитическая интерпретация научной литературы, международных и национальных стандартов, а также словарных статей, имеющих отношение к данной проблеме. На ее основании — попытка анализа эволюции, которую претерпело определение термина «документ».

Результаты. Прослежены изменения в понимании термина «документ» со словарного определения 1975 года по определение международного стандарта 2017-го и публикации Ю. Н. Столярова 2018 гг. В настоящее время «документом» может считаться любой материальный объект, который может быть использован для получения человеком необходимой ему информации.

Обсуждение и заключение. Такая трактовка понятия «документ», равно как и ряд ей предшествующих, может быть плодотворной для возможного переосмысления представлений об объектах библиометрии, наукометрии и информетрии.

Ключевые слова: документ, научный документ, коммуникация, информация, библиометрия, наукометрия, информетрия, объект

Для цитирования: Лазарев В. С. Расширение значения термина «документ» как фактор возможного переосмысления объектов библиометрии, наукометрии и информетрии. 1. К эволюции понятия «документ». *Наука и научная информация*. 2020;3(2-3):104-130. <https://doi.org/10.24108/2658-3143-2020-3-2-3-104-130>

Статья поступила: 21.08.2020

Статья принята в печать: 26.09.2020

Статья опубликована: 15.11.2020

Expanding the Meaning of the Term “Document” as a Possible Factor of Reconsideration of the Objects of Bibliometrics, Scientometrics, and Informetrics.

1. Towards the Evolution of the Concept of a Document

Vladimir S. Lazarev

Belarusian National Technical University
Nezalezhnosti ave., 65, Minsk, 220013, Republic of Belarus

Abstract

Introduction. In the context of methodological problems of bibliometrics, we consider the concept of the object of bibliometrics, viz. a document. In regard with the author’s view that the document is also an integral component of the objects of scientometrics and informetrics, the share of this component being very significant, it seems important to attempt to review some of the evolution that the concept of a “document” has undergone since the dictionary definition of 1975, as the perception of the document as the object of bibliometrics did not incorporate the changes that the concept of a document has undergone irrespectively of its application to “metric” research.

Materials and methods. Analytical interpretation of scientific literature, international and national standards, as well as dictionary articles related to this problem. Based on the above interpretation, an attempt to review the evolution of the term “document” has been made.

Results. The article traces some of the evolution of the concept of “document” since the dictionary definition of 1975 up to the definition of the international standard of 2017 and the paper by Yu. N. Stolyarov of 2018. Currently, any material object that can be used to obtain the information a person needs may be considered as a document.

Discussion and conclusion. This interpretation of the concept of a document, as well as a number of its predecessors, can be fruitful for a possible reconsideration of the concepts of the objects of bibliometrics, scientometrics and informetrics.

Keywords: document, scientific document, communication, information, bibliometrics, scientometrics, informetrics, object

For citation: Lazarev V. S. Expanding the Meaning of the Term “Document” as a Possible Factor of Reconsideration of the Objects of Bibliometrics, Scientometrics, and Informetrics. 1. Towards the Evolution of the Concept of a Document. *Scholarly Research and Information*. 2020;3(2-3):104-130. <https://doi.org/10.24108/2658-3143-2020-3-2-3-104-130>

Received: 21.08.2020

Revised: 26.09.2020

Published: 15.11.2020

1. Введение

«Концептуальные положения о библиометрии, ее месте в системе наук и используемых методах остаются, несмотря на многочисленность исследований, весьма актуальными проблемами» [1, с. 14]. Если выражаться конкретнее, то дискуссионным, к примеру, остается вопрос о том, является

ли библиометрия научной дисциплиной, субдисциплиной либо «лишь» методическим комплексом [2; 1, с. 18–19]¹. Нет полной ясности и по вопросу о методических составляющих библиометрии; вопрос же о принципе ее отграничения был, насколько нам известно, затронут лишь в нашей давней работе [4, с. 16]. Вместе с тем практически

¹ Н. Чуи и Q. Ке [3, р. 288] и вовсе называют ее методом.

во всех публикациях, включая словарную статью В. А. Фокеева [5, с. 49] так или иначе признается, что объектом библиометрии является документ. Строго говоря, это с очевидностью вытекает из самого значения термина «библиометрия» (буквально: «книгоизмерение»). Исключения же подтверждают правило. Так, в статье Г. Ф. Гордукаловой [6] объектом библиометрии назван документальный поток [6, с. 41], его «определенная часть» [6, с. 40], «микросток документов» [6, с. 41]. Но понятно, что здесь нет противоречия с пониманием объекта как документа, т. к. документальный поток, согласно той же Г. Ф. Гордукаловой [6, с. 41], это «непрерывно развивающееся, целостное множество семантически связанных документов, являющееся уникальным средством хранения, накопления и передачи знаний о внешнем мире» (выделено нами. — В. Л.); понятно, что и его фрагменты являются упорядоченными совокупностями документов. Также не меняет сути объекта тот факт, что документы в библиометрических исследованиях могут быть представлены (что чаще всего и имеет место) в виде элементов-признаков — таких, как библиографические описания (обозначенные в части определений как составная часть объекта). Забегая вперед, отметим, что не меняет сути и давняя попытка М. Bonitz включить в объект библиометрии помимо документа библиотечную сеть [7], поскольку документ является объектом системы «библиотека» [8], а примеров оценки библиотечных сетей не через оценку документа М. Bonitz не представил. Следовательно, и это «расширение» остается на уровне игры слов, и речь идет не об изменении понимания объекта, а о применении библиометрических методов для оценки библиотечных сетей. Но точно так же библиометрия приложима и к оценке издательского дела, книжной торговли и вообще к оценке явлений в сфере как книжной культуры, так и культуры в широком значении слова. Так, автор термина «библиометрия» Поль Отле в 1934 году задавался вопросом оценки действия «Книги и Документа на общество» [9, с. 209]² — заметим: на общество в целом! — и предлагал для этого помимо учета библиотечных экземпляров учитывать «экземпляры в магазине» и «экземпляры, оставшиеся на складе у издателя» [9, с. 209], т. е. данные, относящиеся к книжной торговле, ко всем путям распространения конкретной книги. В 1923 году украинский библиотековед и книговед Ю. А. Иванов-Меженко заявил, что «статистика духовной культуры должна быть ничем иным, как статистикой книг» [10, с. 52]. О связи библиометрии с архивами и медиacentрами упоми-

нал Л. Egghe [11, с. 36]. Следовательно, ограничение объекта библиометрии документом в контексте лишь библиотечной сети просто неверно.

При этом очень важной представляется следующая оговорка: речь идет о любом документе, а не только о документе научном [4, с. 6]. Ведь несмотря на то, что соответствующие формулировки вполне однозначны, практика «использования библиометрических исследований по отношению преимущественно к научным документам и употребления рядом авторов термина “документ” лишь для обозначения научных документов» [4, с. 6] имеет место как в пионерских работах [9, с. 205–211; 12], так и в ряде последующих авторитетных публикаций [13–15 и др.].

Еще в 1994 году мы пытались показать [16, р. 512–514], что «доля документа» в объектах наукометрии и информетрии весьма велика и что, следовательно, по существу различия в объектах библиометрии, наукометрии и информетрии весьма незначительны.

Так, например, отмечалось, что в качестве объекта наукометрии Л. Egghe [11] признавал «документ, рассмотренный в отношении к его использованию и созданию, т. е. в контексте научной деятельности». Хотя «эти отношения <...> включают автоматически в объект наукометрии такие <...> сущности, как самих ученых (в качестве пользователей или создателей документов» [16, р. 513], в практике наукометрических исследований в действительности изучаются не процессы потребления и создания научных документов учеными, а распределения документов или ссылок на них, сгруппированные по их авторству. Количественные же характеристики непосредственно самих ученых изучают на основании рассмотрения соответствующих «бюрократических» документов, а не путем подсчета «поголовья» самих исследователей. Тем более это относится к изучению финансирования научных исследований в рамках наукометрии. При этом оценка самих ученых и их деятельности, осуществляемая не через характеристики созданных и потребленных ими документов, может относиться, к примеру, к социометрии и эконометрии и вряд ли входит в специфический методический арсенал наукометрии (Там же).

Что касается информетрии, то ее объектом В. А. Горькова [17, с. 6] считает научную информацию и научную коммуникацию. Но научная информация может быть изучена только в документальной форме (сама В. А. Горькова на стр. 7 своей книги прямо включает «научно-техническую литературу» в «научную информацию и научную ком-

² Цитируется перевод фрагментов работы 1934 года, изданный в 2004-м.

муникацию»). При этом нельзя было не отметить, что включаемые В. А. Горьковой в состав научной информации и научной коммуникации «результаты информационной деятельности: информационные массивы (файлы), естественные и формализованные языки как средство индексирования и поиска, информационные запросы потребителей — пользователей информации» — это либо документы, либо (как информационно-поисковые языки) — явления, изучаемые и даже используемые исключительно в документальной форме. Являются документами и так называемые «электронные формы информации», упомянутые В. С. Brookes [18, p. 29] в соответствующем контексте [16, p. 512–513].

Отсюда вытекало, что при условии совпадения методических составляющих всех трех «метрий» можно было бы, вероятно, утверждать, «что мы в действительности имеем лишь одну <<метрическую>> область знаний и имя ей — библиометрия!» [16, p. 514]³. Думается, актуальность подобного подхода лишь возросла в наше время, когда термины «наукометрия» и «библиометрия» (а также «информетрия») получают зачастую практически неразличимые определения [19, с. 127]; причем еще в 1998 году I. Wormell [20, p. 258] утверждала, что «индивидуальные тождества подполей “библиометрия”, “информетрия”, “наукометрия” и “технометрия”, к сожалению, не очень ясны, и в терминологии царит хаос», в 2001 году О. В. Пенькова и В. М. Тютюнник утверждали, что «четкие грани между наукометрией, библиометрией и информетрией к настоящему времени практически завуалировались» [21, с. 86], а в 2008 году разницу между наукометрией, библиометрией и информетрией отказался видеть А. В. Соколов [22, с. 18–19]. Но при этом заявления о «неразличимости метрий» не были подкреплены сколь-либо детальным анализом. Между тем такой анализ способствовал бы и выявлению степени сходства основ этих трех смежных областей знания,

и выявлению различий между «метриями». Думается, что осознание как сходства, так и различий — вполне очевидное исходное условие для взаимообогащения «метрий» знаниями и концепциями, на желательности которого справедливо настаивали еще в том же 1994 году W. Glänzel и U. Schoepflin [23, p. 377–379].

Однако со времени написания нашей цитируемой небольшой статьи 1994 года [16] само определение документа претерпело самые решительные изменения. Считаем, что это обязывает нас — в силу того, что мы по-прежнему считаем понятие документа ключевым для всех трех «метрий», — предпринять попытку по возможности подробного анализа «эволюционировавшего» определения данного понятия⁴. Такой анализ и является задачей первой части данной работы. Во второй части будут рассмотрены примеры формулировок объектов библиометрии, наукометрии и информетрии — но в контексте использования уже такой обновленной трактовки понятия «документ», которую мы сочтем окончательной, не требующей решительно никаких терминологических уточнений, оговорок или исключений⁵. Предполагается, что этот анализ позволит уточнить представления о рассматриваемых объектах, об объектах библиометрии, наукометрии, информетрии вообще.

2. Основная часть

2.1. Незнакомый знакомец?

С одной стороны, что, если не документ есть такая знакомая, казалось бы, «точка приложения» ежедневных усилий библиометриста? С другой стороны, при «резком» переходе от интуитивно понятного и кажущегося исчерпывающим определения документа, приведенного в сноске 4, к определениям, которые приходили ему на смену, можно впасть в достаточно серьезное замешательство:

³ При этом нет необходимости в отдельном сравнении предметов библиометрии, наукометрии и информетрии, поскольку вслед за В. И. Горьковой [17, с. 6] мы считаем предметами любой из «метрий», воспроизводимые количественные характеристики их объектов [16, p. 512].

⁴ В 1994 году автор [16] «довольствовался» следующим словарным (1975 года) определением документа: «материальный объект, содержащий закреплённую информацию и специально предназначенный для ее передачи и использования» [24, с. 122]. Оно представлялось в то время настолько очевидным и исчерпывающим, что даже не приводилось в цитируемой работе. Судя по тому, что у редакторов журнала “Scientometrics” не возникло вопросов, связанных с отсутствием определения документа в присланной работе, такая трактовка понятия «документ» была очевидной не только для автора.

⁵ При этом даже гипотетически мы отказываемся рассматривать «альтметрию» (или «альтметрику») в качестве сколь-либо самостоятельной области знаний. Причина заключается в том, что эта область выделена не в связи с приложением исследований к принципиально новому их объекту или с появлением принципиально новых методов исследований, но лишь в связи с тем, что изучаемые в ее рамках документы циркулируют в иной, менее привычной среде, имеют иную материальную природу информационного носителя. По меткому выражению Т. С. Almind и Р. Ingwersen [25, p. 404], «что нового в рассмотрении www как сети цитирования, где традиционные информационные образования и ссылки из них заменены Web-страницами?». Как сказано Г. Ф. Горкудаловой [6, с. 45] (применительно к другим новым терминам, за которыми скрывается то же содержание), «возникновение в системе электронных коммуникаций родственных терминов: сетеметрия, вебометрия, киберметрия в конце 1990-х гг. не осложняет ситуацию, поскольку во всех случаях применяются инструменты и методы библиометрии, но только по отношению к машиночитаемым документам». Весьма характерно, что создатели «альтметрии» сами отказались включать в ее название указание на исследуемый ею объект или сферу ее приложения. Термин «альтметрия» образован с нарушением традиций терминотворчества и недостаточно информативен.

определяемое понятие то «чрезмерно расплывается», то представляется заведомо суженным. Однако вслед за недоумением приходит желание разобраться; оно-то в свою очередь, и привело автора к его первому — по существу, вынужденному — вступлению на территорию документологии. В результате был написан этот раздел, представляющий собой попытку разбора эволюции определения понятия «документ» и приведением в заключение той его трактовки, которую автор признает окончательной, исчерпывающей, универсальной.

Нужно признаться, что это первое вступление автора на совершенно новую для него территорию, на границах которой не было ясных дорожных карт, а на самих ее дорогах — ясных дорожных знаков, вызывало у него определенную робость. Утешение принес тот факт, что и такой корифей-метатеоретик, как А. В. Соколов озаменовал в свое время (в 2009 г.) вступление на эту территорию следующей безрадостной констатацией: «Несмотря на то, что термины “документ”, “документация”, “документальная система” более ста лет бытуют в бюрократическом делопроизводстве, библиотекации, библиотечном, архивном, музейном деле, источниковедении, текстологии, палеографии и научно-информационной деятельности, несмотря на многочисленные попытки их межотраслевого согласования, международной и государственной стандартизации, несмотря на бесконечные и довольно эмоциональные научные дискуссии, до сих пор не удается уяснить, *что такое, в сущности, документ*» [26, с. 6]. А между тем в том же 2009 году теоретик документологии Г. Н. Швецова-Водка опубликовала свой труд под знаменательным названием «Общая теория документа и книги» в качестве учебного пособия [27]... Эти факты лишь подтверждают, сколь непроста проблема документа, сколь трудным может быть ее анализ.

Вообще-то неготовность библиометриста к теоретическому анализу понятия «документ» кажется на первый взгляд невыносимой: ведь, как мы уже отмечали, документ есть «точка приложения» ежедневных его усилий. И тем не менее библиометристы-практики (да и многие теоретики) не особенно утруждают себя вниманием в смысл обобщающего термина: даже сам термин «документ» встречается в наших публикациях достаточно редко, а речь обычно идет о «статьях», «публикациях», «журналах», «патентах»; причем к числу «журналов» по-

рой оказываются отнесенными и продолжающиеся сборники, и сериальные монографии... И хотя автор этих строк всегда использовал термин «документ» как собирательное понятие, все равно он, разбираясь в хитросплетениях эволюции понятия «документ», неизбежно не раз оказывался в положении «изобретателя велосипеда»...

2.2. Предназначенность, зафиксированность и соотнесенность информации человека как возможный принцип отграничения документа

Простым и понятным казалось когда-то следующее определение документа: «Документом считается любая зафиксированная в пространстве и во времени нооинформация (информация, созданная человеческим разумом; в отличие от информации, зафиксированной в явлениях природы, биологии и т. п.)» [8, с. 69]⁶. Еще более понятной на первый взгляд представлялась следующая формулировка: «Под документом подразумевают информацию, записанную искусственным способом на некотором материальном носителе, способную служить единицей в семантическом процессе» [28, с. 46]. Или вот это определение, весьма схожее с ним: «Документ — это включенная в социальную коммуникацию семантическая структурированная информация, искусственно закрепленная на материальном носителе в стабильной знаковой форме» [29, с. 42]. В этих двух последних определениях сделан ясный акцент на наличие *специального* носителя информации (а не просто на ее «зафиксированность», как имеет место в первом), а также на включенность документа в «семантический процесс» или в «социальную коммуникацию». Эти акценты ясны, а вопросы — при пристальном рассмотрении определений — возникают совсем другого рода. Например, что касается определения Ю. Н. Столярова [28, с. 46], то можно сразу задаться вопросом, может ли информация, записанная искусственным способом и пригодная для семантического процесса, быть созданной *не* человеком. И следует ли считать фотографию отпечатка растения т. н. каменноугольного периода на куске каменного угля информацией, всего лишь *зафиксированной* человеком или все-таки *созданной* им путем не просто переноса ее на специальный носитель, но и придания определенного значения, трактовки запечатленному на нем факту? А когда эта фотография участвует в семантическом процессе, до-

⁶ Однако, если к нему присмотреться, возникают вопросы. Так, может ли явление природы зафиксировать информацию, созданную человеком? Если не принимать во внимание всегда теоретически возможные флуктуации (вроде такой, как «броуновское движение молекул может привести к взлету камня» и т. п.), отрицательный ответ очевиден. Все же отметим, что указание на то, что информацию, созданную человеком, *фиксирует именно человек*, в определении отсутствует. Определение также не очень удобно тем, что в нем нет *явного* указания на материальность документа, хотя на нее косвенно (впрочем, вполне понятно) и указывает формулировка «зафиксированность информации в пространстве и во времени».

статочен ли для участия в нем сам запечатленный факт либо же он вообще лишен значения вне сопровождающей его трактовки?⁷

Далее, когда пророк использует формулировку «так говорит Господь» и записывает следующее за этой формулировкой пророчество, следует ли считать пророка создателем этой части документа? Или — что кажется куда очевиднее — считать его лишь «фиксатором» текста, автором которого является Бог? Когда Моисей всего лишь записывал (высекал на каменных скрижалях) заповеди под диктовку Бога (Исход, 34:28), сомнений в авторстве документа нет: им является Бог. При этом мысль о Боге как авторе документа дополнительно вкладывается в историческую память человечества и тем, что первые скрижали (впоследствии во гневе разбитые Моисеем) были изготовлены Самим Богом и текст заповедей нанесен на них также был Самим Богом (Исход, 32:16). Напротив, когда пророческая книга включает, среди прочего, описание состоявшихся исторических фактов, не представляющих собой никаких открытий для человека, можно ли считать создателем соответствующих ее фрагментов Бога? А в случае записи видений, виденных пророком, но посланных Богом вместе с последующими истолкованиями, также посланными Богом, — кто является создателем соответствующего фрагмента документа? Вопросы — слишком много вопросов. Но, по-видимому, их возникновение обусловлено лишь недостаточной четкостью определений. Кстати, наши поиски определения интуитивно понятного концепта «семантический процесс» (восприятие значений?) не увенчались успехом («семантические процессы» в лингвистике — совсем другое). Восприятие формулировки «информация, способная служить единицей» [28, с. 46], понятной интуитивно, также требует достаточно значительных интеллектуальных усилий. (Полагаем, что речь идет о «кванте», «порции» значений, которые получатель готов воспринять, а не о хаотичных отражениях реалий, к восприятию которых он не готов.)

Более того, из приведенных примеров становится очевидным, что помимо четкости определение документа должно обладать определенной универсальностью, которая исключала бы ситуации,

когда невозможно дать однозначный ответ на такие принципиальные вопросы в отношении предполагаемых и признанных документов, как «Является ли данный объект документом?», «Что именно сделало данный объект документом?» и т. п.⁸

Поскольку с течением времени появлялись всё новые и новые определения документа, при их изучении рано или поздно возникает раздраженный вопрос: чем же столь плохо такое привычное для автора этих строк и казавшееся интуитивно совершенно понятным определение из «Терминологического словаря по информатике» [24, с. 122], уже процитированное выше («материальный объект, содержащий закрепленную информацию и специально предназначенный для ее передачи и использования»)? Или вот это — «родственное» ему — определение: «материальный объект, содержащий информацию, зафиксированную вне непосредственной памяти человека, средство ее закрепления различными способами на носителе для ее передачи и использования» [5, с. 82]? Казалось бы, эти определения подкупают как «кристально ясным» описанием *специальной предназначенности* «носителя информации» для ее «передачи и использования», так и, напротив, широтой трактовки путей закрепления информации на носителе.

Однако все вновь оказывается не столь просто. Из этих определений, в общем, понятно, что *предназначенность* документа для передачи информации установлена человеком. Но вот *сотворенность* информации именно человеческим разумом — либо иное ее происхождение, — а также факт закрепления информации на носителе именно человеком (а может быть, природой? Богом?) в данной паре определений также прямо не оговариваются. Хотя «специальная предназначенность объекта» в первом из них и «средство закрепления информации для ее передачи» передачи во втором как будто молчаливо указывают на закрепление информации на носителе именно человеком: природа «сама» не совершает целенаправленных действий по передаче информации человеку... однако, как мы указывали выше (в сноске 6), флуктуации теоретически возможны. Опять же, хотя концепция Бога, раскрывающего человеку информацию — через объекты ли при-

⁷ Что касается определения Н. С. Ларькова [29, с. 42], то его формулировка «семантическая структурированная информация» не оставляет шансов природе быть ее («семантической структурированной информации») автором.

⁸ Можно скептически относиться к возможности достижения такой универсальности. Более того, на определенном этапе авторы определений понятия «документ» сознательно старались ее избегать, исключая, например, из числа документов электронные источники информации. («За электронным источником информации отказывались видеть документ: ведь он же не бумажный, а содержащаяся в нем информация летает по всему миру и присутствует одновременно везде» [30, с. 25].) Тем не менее при разборе определений мы зачастую испытываем интуитивное стремление вместить тот или иной материальный объект, являющийся носителем информации, в рамки определения; и при отсутствии такой возможности интуитивно чувствуем недостаточную универсальность тех или иных формулировок рассматриваемых дефиниций. Это повторяющееся ощущение как бы указывает на желательность универсального, широкого определения документа.

роды или через тексты, записанные пророками, — в цитируемых текстах также не рассматривается и не подразумевается, это не может быть поводом для безоговорочного «выведения ее за скобки»! Как указывал тот же А. В. Соколов, «люди могут общаться не только с подобными себе одушевленными субъектами, но и с Богом, с Природой <...>, и это общение не бессмысленно. Стало быть, источниками смыслов, т. е. коммуникантами в смысловой коммуникации, могут быть не только социализированные личности, владеющие устной и письменной речью, и мы не можем не учитывать этот факт» [31, с. 8]⁹. И так, из этих определений может следовать, что человек может *предназначать* для семантического процесса объект, созданный не им, но с «дополнительным» значением передаваемого объекта, *приписанным* объекту все-таки им. И поскольку это значение без проблем воспринимается реципиентом, понятно, что оно приписано в рамках некоей — явной или подразумеваемой — конвенции. К примеру, упоминавшиеся куски каменного угля с отпечатками растений т. н. «каменноугольного периода» могут не только использоваться человеком как средство передачи информации об этих растениях¹⁰, но и считаться, согласно приведенным определениям, документами. Действительно, «средством закрепления» информации «различными способами на носителе» [5, с. 82] может быть окаменевший отпечаток на куске каменного угля, а назначение «передачи и использования информации» [5, с. 82] привносит этому отпечатку человек. Это, кстати, соответствует высказанному еще в 1934 году (!) представлением Поля Отле о возможности расширительного трактования понятия документа — вплоть до «реальности» [9, с. 288–289]¹¹.

Далее, документ определяли как «материальный объект с информацией, закрепленной созданным человеком способом для ее передачи во времени и пространстве» [32, с. 1]. Здесь «документ» — это не только то, что предназначено человеком для передачи и использования информации; здесь вновь

четко оговорено, что для того, чтобы объект с содержащейся в нем информацией был документом, информация должна быть закреплена на носителе именно человеком. Однако, оговаривая закреплённость информации человеком, это определение [32, с. 1], как и некоторые рассмотренные выше, также не оговаривает обязательности того, чтобы она же была человеческим разумом и создана! Таким образом, хотя, к примеру, куски каменного угля с отпечатками растений т. н. «каменноугольного периода» документами, согласно этому определению, не являются (способ закрепления создан не человеком!), зато документом оказывается пресловутая «антилопа в зоопарке».

Уточнить последнюю мысль проще всего путем приведения следующей цитаты: «Хрестоматийный сюжет с *антилопой как документом* — логическое следствие общего понимания документа, при котором информацию можно получить непосредственно от объекта, например от археологической находки (“реальности экспоната в музейной коллекции”). Французские ученые, обнаружившие в Африке новый вид антилопы и графически изобразившие ее на листе бумаги, сделали сообщение о своем открытии, но многие специалисты усомнились в точности их причудливого рисунка. Потребовалось антилопу отловить и привезти в Парижский зоопарк, чтобы ученые могли увидеть ее воочию. Иными словами, только когда антилопа стала восприниматься как объект, от которого можно получить нужную информацию, она стала выполнять функцию документа» [33, с. 77]. Как представляется, при этом именно *помещение антилопы в зоопарк* создало необходимое закрепление информации на носителе. Информация не создана человеком, но закреплена на носителе человеком — «созданным человеком способом»! Такому документу, по-видимому, соответствует следующее определение: «материальный носитель природного или искусственного происхождения, в структуру которого целенаправленно внесены изменения, отображающие смысл информации» [34, с. 26].

⁹ В этом аргументе, в сущности, нет необходимости, т. к. данная мысль с очевидностью вытекает из Библии. Цитату из А. В. Соколова мы адресуем агностикам и неверующим.

¹⁰ При отсутствии соответствующей «конвенции» данный кусок угля останется просто куском угля или, в лучшем случае, куском угля «с каким-то отпечатком».

¹¹ К такому пониманию документа Поль Отле приходит ближе к концу своего доступного нам в сокращенном переводе текста «Трактата о Документации». Ближе к его началу он приводит, напротив, следующее узкое и на первый взгляд бесспорное определение: «носитель определенного размера из определенного материала, на который нанесены знаки, представляющие некоторые интеллектуальные данные» [9, с. 257]. Понятно, из этого определения можно без ущерба исключить несколько необязательных деталей и получить следующее: «носитель из определенного материала, на который нанесены знаки, представляющие некоторые интеллектуальные данные». Такое определение можно было бы рассматривать в том же ряду, что и определения «Терминологического словаря...» [24, с. 122], Ю. Н. Столярова [8, с. 69; 28, с. 46], В. А. Фокеева [5, с. 82] и Н. С. Ларькова [29, с. 42], но мы воздержались от этого, считая, что расширительная (вплоть до реальности) трактовка документа Полем Отле [9, с. 288–289] в известной степени отменяет его определение, приведенное в начале «Трактата о Документации». В доступном тексте «Трактата о Документации» содержится еще одна формулировка, которую можно считать определением документа [9, с. 190]. Мы коснемся ее ниже, когда речь пойдет о роли реквизита документа в его определении.

Слово «целенаправленно», по-видимому, указывает на *специальную* предназначенность документа для передачи информации. Вместе с тем не оговорено, что изменения внесены именно человеком; и это включает в понятие «документ» (согласно данному определению) описанные в Библии «материальные носители естественного происхождения», в структуру которых изменения для передачи знамений (то есть информации!) целенаправленно вносились Богом... Измененность же носителя представляется универсальным признаком документа, под которым можно понимать и «измененный» письменами лист бумаги (бывший чистый лист); и измененную электрическими сигналами магнитную ленту; и антилопу, «дополненную» вольерой и табличкой с соответствующей надписью на ней, то есть преобразованную (измененную) в сложносоставную систему; и куски каменного угля с отпечатками растений, снабженные соответствующими информационными «этикетками»...

2.3. Роль «реквизита» в понимании документа

Если табличка с описанием антилопы, с данными, характеризующими не только вид, но и *данный экземпляр* этого животного, обеспечивает его несомненную идентификацию, то антилопе в зоопарке как документу будет соответствовать следующее узкое определение: «информация, зафиксированная спец. образом на материальном носителе <...>, снабженная реквизитами, позволяющими идентифицировать док. в процессе их обработки, поиска, использ. и хранения» [35, с. 358]. В формулировке «зафиксированная специальным образом» мы видим указание на целенаправленное действие человека — хотя и в неявной форме. Важнее здесь то, что данный пример является первым приводимым нами примером с понятием «реквизит» в определении; с этим «уточнением» определения, как будет показано ниже, также все не так просто. Хотя на первый взгляд уточнение может показаться существенным и важным. Причем уже в самом определении документа здесь присутствует и указание на назначение реквизита. Что же касается назначения самого документа, определение указывает как на «обработку, поиск и хранение» — действия, лишь обеспечивающие его использование, — так и на само «использование».

Однако буквальной информации о том, в чем же оно, использование, заключается (например, «примем зафиксированной в документе информации реципиентом»), в определении нет.

Согласно определению Р. С. Гиляревского [36, с. 82], «ДОКУМЕНТ <...> в информатике¹² — совокупность логически завершенных сведений и *материального носителя*, на котором они записаны, с непрерывным указанием, кем, где и когда документ был создан; в гуманитарных науках часто является альтернативой и обобщением понятия произведения письменности и печати». В нем нет термина «реквизит», но содержится указание на необходимость обладания документом данными о времени и месте его создания (то есть на необходимость обладания им определенных идентификационных признаков). Для него также характерно и такое сужение, как требование указания данных о конкретном авторе документа. Использование глагола «записывать» вместо «фиксировать» или «закреплять» также суживает данное определение. Также определение сужено, как представляется, указанием на «логическую завершенность» сведений. Часть определения после точки с запятой («в гуманитарных науках часто является альтернативой и обобщением понятия *произведения письменности и печати*») касается одного из частных случаев и поэтому должна быть исключена. Полагаем, что помимо возможной чрезмерной узости определения оно уязвимо и по следующей причине: черновики, к примеру, согласно ему, не являются документами, если только они не имеют «данных о времени и месте его создания» (а кто будет указывать его на предварительном черновом наброске?!). А будет ли черновик удовлетворять требованию «логической завершенности сведений»? Будет ли удовлетворять этому требованию пьеса абсурда?!

Определение документа, приведенное в ныне действующем в Беларуси стандарте «Делопроизводство и архивное дело. Термины и определения» («зафиксированная на материальном носителе <...> информация с реквизитами, позволяющими ее идентифицировать» — см. [37, с. 1]¹³, в части понимания реквизита мало чем отличается от понимания реквизита из вышеприведенного определения Ю. А. Гриханова и Ю. Н. Столярова [35, с. 358]. Однако в определении этого белорусского стандар-

¹² До второй половины 1980-х годов термин «информатика» имел в тогдашнем СССР единственное значение и обозначал науку о структуре и свойствах научной информации, о научно-информационной деятельности и о научной коммуникации. Пиратский захват данного термина советскими кибернетиками во второй половине 1980-х годов вынуждает нас, во избежание недоразумений, использовать далее в данном значении термин «информационная наука» (“information science”).

¹³ В Государственном стандарте России ГОСТ Р 7.8-2013 [38, с. 1] приводится следующее определение документа: «Зафиксированная на носителе информация с реквизитами, позволяющими ее идентифицировать». В государственных стандартах Украины ДСТУ 3017-95 («Видання. Основні види. Терміни та визначення») [39] и 2732-2004 («Діловодство й архівна справа. Терміни та визначення понять») [40] определение термина «документ» не имеет понятия «реквизит».

та (СТБ 2059-2013) присутствует еще одно сужение: речь идет исключительно об информации, созданной, полученной и сохраняемой «организацией или лицом в доказательных или справочных целях в процессе выполнения правовых обязательств или осуществления своей деятельности» [37, с. 1]. Под эту часть определения вообще не попадают научные документы, если только они не сохраняются в качестве улик или справочных материалов (второе является лишь одним из частных назначений научного документа; первое же — суть казуальное использование научного документа, ничего общего с его назначением не имеющее). Также нужно отметить, что «определять целое (документ) через его части (реквизиты) — грубое нарушение правил дефинирования» [41, с. 26]. Кстати, в «Библиотечной энциклопедии» [42], где приведено цитируемое выше определение документа с термином «реквизит» [35, с. 358], определение самого термина «реквизит» отсутствует!

Обратимся же к доступным определениям вроде бы интуитивно понятного термина «реквизит».

«Реквизит — это информационный элемент документа, характеризующий сам документ, его целевое назначение или место, занимаемое им в пространстве и во времени» [43]. Имея в виду это определение реквизита и определение документа, как объекта, *обязательно имеющего реквизит* [35, с. 358], приходим к тому, что документ — это нечто, имеющее элемент, который определяется тем, он характеризует это нечто как документ... и это вполне абсурдно!

Согласно же Государственному стандарту Республики Беларусь СТБ 2059-2013 «Делопроизводство и архивное дело. Термины и определения» [37, с. 4], реквизит документа — это «элемент оформления документа». А документ — это «зафиксированная на материальном носителе <...> информация с реквизитами, позволяющими ее идентифицировать» [37, с. 1]. Иными словами, документ должен обладать элементом оформления документа... получается, что та часть определения документа, в которой говорится о реквизитах, также ведет в никуда.

Еще более абсурдное определение документа с использованием термина «реквизит» находим в терминологической статье О. Моисеенко [44]: **«документ** — это документированная информа-

ция с реквизитами, позволяющими ее идентифицировать, и зафиксированная на материальном носителе». Поскольку слово «документированная» — суть производное от слова **«документ»**, а понятие не может быть определено через свое производное, то «документ» никак не может быть определен указанием на «документированную информацию»¹⁴. Получается, что в приведенном определении остаются лишь указания на реквизиты и на материальный носитель. Но **«реквизитом официального документа** называют элемент его оформления» [44]. Таким образом, теперь целое определяется через свою часть; следовательно, и эта часть определения ведет в никуда. Мало того, определение реквизита, используемое автором рассматриваемой статьи, относится лишь к официальному документу, а это автоматически суживает определение документа О. Моисеенко [44] до документа официального. И от исходного — на первый взгляд детализированного — определения О. Моисеенко [44] остается лишь «информация, зафиксированная на материальном носителе», т. е. присущее всем определениям документа единство информации и материального носителя. А это даже менее конкретно, чем формулировка интуитивно понятного определения «Терминологического словаря по информатике» 1975 (!) года, в котором оговаривалось, что материальный носитель специально предназначен для ее передачи и использования» [24, с. 122]¹⁵. Итак, от трехчастного определения О. Моисеенко после минимального испытания его здравым смыслом остается лишь одна часть.

Надо отметить, что А. В. Соколов [26, с. 7] также признает понятие реквизита в качестве целесообразного компонента определения документа. При этом он отталкивается от представления Полем Отле документа как «совокупности фактов или идей, представленных в виде текста или изображения и упорядоченных их составителями согласно классификации или плану, которые определены предметом или целью» [9, с. 190]. Разбирая эту формулировку, А. В. Соколов приходит к следующему определению: **«документ — информация (смысл), представленная в форме знаков (записей), структурно упорядоченных в соответствии с принятыми реквизитами (метаинформацией)»** [26, с. 7].

¹⁴ На подобную же недопустимую тавтологию в Федеральном законе Российской Федерации от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» указывал Ю. Н. Столяров [41, с. 27–28].

¹⁵ Другое дело, что действительно ли документ — это объект, который всегда специально предназначен для передачи и использования информации? Однако об этом — значительно позже. Также мы вовсе не утверждаем, что единство информации и материального носителя — это «недостаточное» понимание документа (впрочем, и об этом позже); мы просто привлекаем внимание к курьезному случаю очередной несостоятельной попытки сузить, «конкретизировать» это определение. Намек на методологическую бесплодность такого сужения в качестве фактора, который должен «отграничивать» документ от не-документа [30, с. 25], мы делали выше, в сноске 8.

В дальнейшем переосмыслении формулировки он выделяет три компонента документа: «а) смысловое содержание; б) материальная форма = знаки, записанные на материальном носителе; в) метаинформация, идентифицирующая документ в документальных потоках» (Там же). Оговорено, что последнее — синоним термина «реквизит». Не будем рассматривать данное определение в целом, а сразу перейдем к реквизиту. А. В. Соколов разделяет, по-видимому, следующее определение: «*Реквизитом* документа называются «информационные элементы, превращающие информационное сообщение в документ посредством включения его в конкретную информационно-документационную систему и обеспечивающие выполнение документом его социальных функций» (Там же). Приводимое определение реквизита, согласно А. В. Соколову, обладает тем достоинством, что «оно охватывает не только внешние фактические данные, идентифицирующие назначение, владельца, статус документа, но и поисковые образы на информационно-поисковых языках в виде классификационных индексов или предметных рубрик. Открывается многообещающая возможность интеграции общей теории документа и общей теории ИПС». Отсюда вполне логичной оказывается оценка А. В. Соколовым следующего определения документа как «конструктивного»: «Под документом в рамках общей теории документа мы понимаем информационное сообщение, зафиксированное на материальном носителе и включенное в информационно-документационную систему с помощью метаинформации, содержащейся в реквизитах» [45]. Отвлекаясь от роли реквизитов в данном определении, отметим, что исходя из значений самого слова «сообщение» словосочетание «информационное сообщение» указывает, по-видимому, на *специальную* предназначенность документа для передачи информации, на законченность, цельность содержащейся в нем информации. В остальном это определение вновь привычно констатирует единство информации и материального носителя. А. В. Соколова привлекла возможность отражения в нем роли информационно-документационных систем, рассматривая которую можно, разумеется, вывести ряд других признаков документа, но...

Но представляется, что определение документа — да, вероятно, и осмысление понятия «документ» — через «*производное*» от него понятие «информационно-документационной системы» также не может считаться корректным. Поскольку понимание роли реквизита в этом определении — это включение с его помощью документа «в информа-

ционно-документационную систему», это значит, что реквизит (часть документа!) определен лишь через роль, выполнение которой он обеспечивает документу, и эта роль связана с включением документа в систему, от него же и производную. И так, реквизит как один из элементов определения понятия «документ» является его частью, а второй элемент — «информационно-документационная система» — его производной; использование в определении ни первого, ни второго правил дефинирования не соответствует. При этом функция части документа (через которую определен сам документ) — это включение его в производную от него же систему (через которую также определен сам документ)... Если же из определения Е. А. Плешкевича исключить сомнительные «информационно-документационную систему» и «реквизит», то от определения вновь остается «лишь» единство информационного сообщения и материального носителя.

Итак, включение в определение документа понятия «реквизит» никоим образом не делает картину ясней. Поэтому в определениях документа с использованием этого понятия — например, в приведенном в действующем российском стандарте ГОСТ Р 7.8-2013 СИБИД [38], — можно без ущерба для смысла опустить упоминание о реквизитах; выполнив это, мы также получаем уже знакомое по результатам обработки определений О. Моисеенко [44] и Е. А. Плешкевича [45] понятие: «зафиксированная на носителе информация» — и «только». (Но — вновь забегая вперед — почему мы должны считать, что такого понятия мало для определения документа?!)

2.4. Противоречия определений, приводимых в стандартах

Госстандарты Украины определяют документ и как материальный объект с информацией, закрепленной созданным человеком способом для ее передаваемости во времени и в пространстве [39], и как информацию, зафиксированную на материальном носителе, основной функцией которого является хранить и передавать ее во времени и пространстве [40]. Это несколько подробнее, чем «очищенное от всех деталей» понимание документа как зафиксированной на носителе информации. Что же касается упомянутого выше белорусского стандарта СТБ 2059-2013, то, как было указано, после исключения из него понятия «реквизит» в определении останется «зафиксированная на материальном носителе <...> информация <...>, созданная, полученная и сохраняемая организацией или лицом в доказательных или справочных целях

в процессе выполнения правовых обязательств или осуществления своей деятельности» [37, с. 1]. Это определение чрезмерно сужено, что, по-видимому, собственно, и связано с тематической направленностью стандарта¹⁶. В определении же из другого белорусского стандарта — СТБ ISO 9000-2015, отражающего основные положения и словарь самой системы менеджмента качества Международной организации по стандартизации (ISO), — лаконично представлено уже рассмотренное выше единство информации и носителя: «информация <...> и носитель, на котором она содержится» [46, с. 19]. Аналогичное определение содержится и в ранее не цитированном нами Национальном стандарте Российской Федерации: документ — это «информация <...> и носитель, на котором эта информация представлена» [47, п. 3.8.5].

Эти определения относятся к наиболее широким определениям документа. В них не содержится ограничений в зависимости ни от того, кто создал информацию, ни от того, кто закрепил ее на носителе, тем более на наличие или отсутствие «реквизитов». Есть ли ограничения на возможную природу носителя? Приходится давать нелепый ответ: «и да, и нет». Дело в том, что, с одной стороны, определения сопровождаются примечанием, которое не только накладывает серьезные ограничения на возможную природу носителя, но и не оставляет сомнений о том, кто может быть фиксатором информации: «Носитель может быть бумажным, магнитным, электронным или оптическим, компьютерным диском, фотографией, или эталонным образцом, или их комбинацией» [46, с. 20; 47, п. 3.8.5]¹⁷. Итак, среди возможных носителей здесь нет предметов реальности (присутствовавших у П. Отле уже в тридцатые годы прошлого столетия!); причем цитируемое примечание фактически указывает на человека как на единственно возможного создателя документа. *Однако все это оговорено лишь в примечании и с формулировкой «может быть», а не в самом определении.* Поэтому здесь вполне уместны вопросы об обязательности соответствия реального документа (например, слона в клетке, снабженного соответствующей табличкой) приведенному перечню. Стоит усомниться и в том, были ли составители

перечня уверены в его завершенности и исчерпывающем характере: ведь при наличии такой уверенности не должен ли был соответствующий текст войти в само определение?¹⁸ Для введения подобных ограничений требуются «дополнительные пояснения к определению, *которые не могут заменить само определение*», — замечает Г. Н. Швецова-Водка ([48, с. 5]; выделено нами. — В. Л.).

2.5. Сущность понятия «документ»

Итак, из подробно рассмотренных нами выше определений документа наиболее «широкие» сводятся к единству информации и ее материального носителя. Вообще, как указывал А. В. Соколов, «в большинстве определений <документа>, предложенных во второй половине XX в., говорится, что документ — это “зафиксированная информация”, или “информация, записанная на материальном носителе”, или “материальный объект, выступающий в качестве носителя информации”, <...> или “средство закрепления информации” и т. п. Только эти компоненты (информация и носитель) и являются общими для всех нами рассмотренных определений. У нас нет оснований сомневаться в том, что они и определяют сущность понятия “документ”» [50, с. 4]. У нас — также. И не потому даже, что совокупность этих признаков используется для определения понятия «документ» во всех известных нам его дефинициях, а потому, что введение ограничивающих признаков, призванных «наконец-то» улучшить понимание данного понятия, постоянно приводило к тому, что за пределами «уточненных определений» оказывались объекты, интуитивно воспринимаемые как документы. «На роль критерия отграничения документа от недокумента чего только не предлагалось: и средство записи, и способ записи, и наличие реквизитов, и возможность неоднократного обращения к зафиксированной информации (писаное вилами по воде документом якобы не является), и правовая сила, и завершенность сообщения, и различное сочетание этих признаков. И так далее до бесконечности» [30, с. 25]. Пример с электронными документами (якобы недокументами!) мы уже приводили

¹⁶ «Количество определений документа множится <...>. В каждом случае появления новой дефиниции оговаривается область ее применения, а это означает, что дефиниций может быть столько, сколько существует областей применения», — отмечает Ю. Н. Столяров [41, с. 29]. Цитируемый стандарт отражает лишь «систему понятий в области делопроизводства и архивного дела» [37, с. IV].

¹⁷ Такое же примечание находим и в государственном стандарте Украины ДСТУ 2732:2004 «Делопроизводство и архивное дело. Термины и определения понятий» [40]. Кстати, в нем дано определение документа, весьма напоминающее определения из процитированных выше СТБ ISO 9000-2015 [46, с. 19] и ГОСТ Р ИСО 9000-2015 [47, п. 3.8.5]: «Информация, зафиксированная на материальном носителе, основная функция которой: сохранять и передавать ее во времени и пространстве» (цит. по: [48, с. 5]).

¹⁸ Педантизм требует приведения соответствующих цитат и из оригинального стандарта ISO 9000-2015: “document: [information](#) <...> and the medium on which it is contained. <...> Note 1 to entry: The medium can be paper, magnetic, electronic or optical computer disc, photograph or master sample, or combination thereof” [49, entry 3.8.5].

выше, но цитата стоит того, чтобы ее повторить: «за электронным источником информации отказывались видеть документ: ведь он же не бумажный, а содержащаяся в нем информация летает по всему миру и присутствует одновременно везде. Чуть какая-то, а не документ!» (Там же). И, несмотря на все эти отграничения, вожденная ясность не наступала.

Если отвлекаться от примечаний, *новейшие стандартные определения понятия «документ» в стандартах системы ISO оставляют самый широкий простор для трактовки этого термина, сводя его понимание к единству информации и ее носителя.* При этом представляется важным, что формулировки данных стандартов смыкаются с выводами теоретиков. Взгляд А. В. Соколова [50, с. 4] на обобщенную картину определений документа мы уже приводили. Обратим теперь внимание на следующее утверждение Г. Н. Швецово-Водки: «Эмпирически документ представляется, во-первых, как определенная вещь, как «материальный объект» <...>. Во-вторых, документ — это такая вещь, которая несет в себе некую *информацию*, то есть может что-то (какие-то сведения, знания) передать тому, кто будет знакомиться с документом, изучать его, читать или иным образом «потреблять информацию». Документ прежде всего нужен человеку именно для того, чтобы ознакомиться с этой информацией» [27, с. 13]. Если здесь остановиться и спокойно поразмыслить, то вполне можно прийти к выводу, что *желание человека познакомиться с информацией, запечатленной в той или иной «вещи», и делает эту «вещь» документом.* Возможно, что для отграничения документа от недокумента тот факт, что информация, запечатленная в «вещи», *воспринята* человеком, важнее того, что она была в нее *заложена* человеком!¹⁹

2.6. Что такое «создание документа»?

Правда, в следующих затем строках автор суживает свою позицию: «С другой стороны, документ создается человеком (точнее, обществом) для того, чтобы сохранить определенное *знание* во времени и передать его другим людям (потребителям информации)» [27, с. 14]. На первый взгляд происходит весьма радикальное сужение. Но степень этой радикальности зависит от того, понимать ли под созданием документа и создание заключенной в нем информации, либо же «только» фиксирование ее на носителе — вопрос, который в подразделе 2.2 мы оставили открытым.

Г. Н. Швецова-Водка под «созданием документа» имеет в виду фиксирование «реальности», о котором упоминал Поль Отле, когда писал, например, о «реальности экспоната в коллекции» [9, с. 288]. Так, Г. Н. Швецова-Водка отмечает, что документ — это «любой материальный (субстанциальный) объект, как искусственный, так и природный, который может быть использован для передачи информации в обществе. Для этого он *должен быть включен* в определенное собрание или коллекцию. К таким документам относятся не только произведения письменности или другие документы, в которых информация «записана» тем или иным способом, но и любые вещи, предметы, которые могут быть представлены в музеях, на выставках и т. п.» [27, с. 17] (выделено нами. — В. Л.)²⁰. Итак, получается, что документ — это единство информации и ее носителя, которое *фиксируется* человеком и для человека. Факт создания информации человеком не является при этом обязательным.

2.6.1. Авторство документа

Но насколько логично считать, что фиксирование информации на носителе, включая представление

¹⁹ Правда, здесь возможен вопрос, всякая ли «вещь» несет информацию. С учетом понимания информации как разнообразия, «которое отражающий объект содержит об отражаемом» [51, с. 153], представить себе «вещь», не несущую никакой информации, по-видимому, невозможно. Вопрос лишь в ее способности быть востребованной, да и распознанной. Здесь в пору вспомнить о формулировке Ю. Н. Столярова [28, с. 46] об информации, «способной служить единицей в семантическом процессе». При этом одна и та же информация, запечатленная в «вещи», может либо не восприниматься, либо восприниматься человеком — и в последнем случае вещь «становится» документом.

В качестве примера очевидно содержащейся в «вещи» информации, которая, однако, до поры не интересна потенциальному пользователю и не считываема им, приведем следующий: пока к отпечаткам пальцев не проявлялось интереса со стороны криминалистов, поверхности предметов вблизи мест преступления, содержащие отпечатки пальцев, *не рассматривались* в качестве возможных улик, т. е. *не были документами*. Просто потому, что они игнорировались. Однако в современной действительности дело обстоит по-иному, и такие же поверхности при совершении следственных действий являются документами, подлежащими пристальному изучению. Подобных примеров можно привести очень много. Здесь было бы также уместным обсудить само понятие информации. Однако мы ограничимся указанием на критику «стандартных» и расхожих определений информации, приведенную А. В. Соколовым [52], и на то, что сами мы пользуемся вышеприведенным определением А. Д. Урсула [51, с. 153]. Уделяя огромное внимание понятию документа — ключевого понятия библиометрии, — мы не имеем возможности столь же подробно анализировать здесь понятие «информация».

²⁰ Ср. с «древним» определением Г. Г. Воробьева, согласно которому «под документом понимается семантическая информация, выраженная на любом языке и *зафиксированная любым способом на любом носителе* с целью ее обращения в динамической системе, иными словами, всё то, что в принципе может храниться в архивах, библиотеках, музеях» [53, с. 6] (выделено нами — В. Л.). Оба определения фактически указывают на то, что документами фрагменты реальности делает контекст, в который — в рамках определенной (явной или подразумеваемой) — конвенции он и помещаются человеком. (Необходимость «конвенционности» измененного контекста можно проиллюстрировать следующим условным примером: антилопа, помещенная в зоопарк, является для горожан документом, но, к примеру, сбегав из зоопарка, она им для каких-либо горожан больше не будет. Не только из-за измененного контекста, но и из-за выхода за пределы конвенции.)

«вещей, предметов» на выставке и помещение антилопы в зоопарк, уже придает осуществляющему эти действия человеку статус *автора документа*? Ведь, если пользоваться аналогией, это больше похоже на запись текста под диктовку, нежели на создание оригинального текста. В подразделе 2.2 мы выражали свои сомнения по поводу того, можно ли пророков (а не Бога) считать авторами записанных в Библии пророчеств. Вопрос, который кажется похожим, это: можно ли фотографа, осуществившего документальную съемку, считать автором полученного изображения? Интуитивно в первом случае хочется дать отрицательный ответ, а во втором — положительный. В поисках правильного ответа попробуем вначале разобраться еще более крайние точки зрения на проблему и продемонстрировать возможности диаметрально противоположных подходов.

Итак, с одной стороны, любой творческий текст, любая «абстрактная» картина — это все равно в каком-то смысле «лишь отражение» чего-то внешнего по отношению к человеку. В самом деле, ведь невозможно придумать *ничего* (ни неведомого зверя, ни новой геометрической фигуры, ни житейской ситуации), чего не существовало бы в виде элементов (или даже прямых аналогов) во внешнем по отношению к человеку-творцу мире; а значит, любое человеческое творчество — в какой-то степени лишь «отражение», «обычное фиксирование» реальности (не о полноте, не о степени опосредованности и не о ясности отображения сейчас речь!). И, следовательно, поэтому Автором (Творцом, Создателем) в чистом виде является один только Бог.

С другой же стороны, хотя описанное Ю. Н. Столяровым [33, с. 77] помещение человеком антилопы в зоопарк — это не действие, похожее на творческий акт, именно оно обеспечивает доступ неопределенному кругу лиц к той информации о неизвестной ранее разновидности антилоп, которая ранее — пока антилопа находилась в естественной среде — этому неопределенному кругу лиц была недоступна. Итак, здесь имеет место передача новой информации новым пользователям за счет создания нового материального информационного носителя (система «антилопа в вольере в зоопарке»), то есть здесь имеет место именно *создание нового документа*; и, следовательно, человек, осуществивший его создание, является его *автором*.

Так что же действительно делает человека автором документа? Если мы обратимся к общедоступным определениям термина «автор», то бросится в глаза присутствие синонима «составитель» — наряду со словом «создатель». Например, «АВТОР, автора, муж. (от лат. *autor*). Творец чего-нибудь, со-

ставитель, создатель какого-нибудь научного, литературного, художественного произведения, проекта, изобретения» [54]. А в одном из определений (правда, в нем термин «автор» рассматривается в приложении только к *objets d'art*) автор понимается как «творец <...> вообще всякого произведения ума» [55]. Итак, составление, компилирование, любой результат умственной деятельности являются, согласно данным определениям, актом творения.

Понятный пример, подтверждающий эту трактовку, также находится в сфере искусства. Так, «Википедия» сообщает: «Инсталляция — форма современного искусства, представляющая собой пространственную композицию, созданную из различных готовых материалов и форм и являющую собой художественное целое. Вступая в различные неординарные комбинации, вещь освобождается от своей практической функции, приобретая функцию символическую» [56]. Обратим внимание: *из готовых элементов создается нечто новое и цельное*; при этом исходные функции вовлеченных элементов отвергаются, возникает новая функция «собранный» пространственной композиции. И при этом процесс ее сбора называют *созданием*, а создателя инсталляции без малейших сомнений обыденно называют *автором*. Все это является хорошей аналогией созданию нового документа из таких «готовых элементов», как антилопа, вольера, зоопарк... и его создатель также должен быть назван автором. Итак, Г. Н. Швецова-Водка [27, с. 17] права и фиксация информации на носителе — уже авторство документа. (Но при этом вопрос об *авторстве* информации никакого отношения к отграничению документов от недокументов не имеет: как мы пытались показать выше, значение имеет *возможность получения* информации.)

2.6.2. Возможная роль контекста в создании документа

Мы уже касались данного вопроса выше, но поставим его теперь принципиально. В самом деле, рассматривая эту роль, можно попытаться сделать еще один логический шаг в развитии понимания процесса создания документа. В самом деле, если документы — это вообще «любые вещи, предметы, которые могут быть представлены в музеях, на выставках и т. п.», как пишет в своем определении вслед за Г. Г. Воробьевым Г. Н. Швецова-Водка [27, с. 17], то следовало бы повторить написанное нами в сноске 20: *фрагменты реальности делает документами «конвенционный» контекст, в который они помещаются человеком*. Важно понимать, что помещение фрагмента реальности в музей и т. п., то есть перемещение его в новый «конвенционный» контекст и тем самым «превращение» его в «экспо-

нат», не обязательно сопровождается внесением в него изменений (вопреки тому, что указывалось в определении, которое приводилось несколькими страницами выше²¹).

Однако, чтобы человек был готов знакомиться с информацией, запечатленной в той или иной «вещи», перемещение фрагмента реальности в новый контекст не является, как будет ясно из дальнейшего, в принципе, обязательным. Все зависит от информационной потребности человека, от его позиции: для кого-то уровень потребности в информации об антилопе настолько низкий, что он не станет даже читать соответствующую табличку в зоопарке (если вообще туда придет), для кого-то — настолько высокий, что он отправится в экспедицию для изучения соответствующей диковинки в среде ее обитания. И для такого исследователя — как справедливо отмечает Ю. Н. Столяров [33], — разве антилопа в естественных условиях ее обитания не будет единством информации и ее материального носителя? Иными словами — документом?!²²

2.7. Возможная роль понятия «коммуникационный процесс» в осознании сущности документа

Кстати, в другой, более ранней своей публикации Г. Н. Швецова-Водка более решительна в формулировке определения: «Краткое принципиальное определение документа может быть таким: единство информации и материального носителя, используемое в социальном информационно-коммуникационном процессе в качестве канала коммуникации» [48, с. 4]. Здесь нет ни слова о том, как это единство организовано (созданием ли информации, ее фиксированием ли, внесением ли изменений во фрагмент реальности или его помещением в новый контекст...). Здесь нет и требования включенности фрагмента реальности «в определенное собрание или коллекцию». Но здесь есть четкий акцент на назначении документа: на его использовании в социальном информационно-коммуникационном процессе. Понятие такого процесса приобретает в данном определении весьма большое значение. Во-первых, используемый термин содержит подстраховку: словосочетание «комму-

никационный процесс» сужено до «социально-информационно-коммуникационный», а это значит, что автор не только стремилась гарантированно исключить из рассмотрения неинформационные коммуникации (например, транспортную, энергетическую), но и — употреблением словом «социальный» — указывала на принадлежность информации именно социуму, а не биологическим или машинным системам. (Именно в таком значении мы использовали термин «социально-информационная коммуникация» [4, с. 3].)

При этом нет никаких указаний на то, что «социальный информационно-коммуникационный процесс» ограничен какими-либо специальными институтами (СМИ, музеи, библиотеки и т. п.). Но есть ли здесь ограничение определения в соответствии с тем, кем это единство информации и материального носителя организовано? На первый взгляд оно отсутствует (в определении 2009 года, напротив, четко указывалось, что «документ создается человеком» [27, с. 14], и эта оговорка была важной, т. к. напомним, что помимо человека автором документа может быть Бог²³). Однако само употребление термина «коммуникационный процесс» предполагает в соответствии с расхожим определением данного термина [57], что обмен информацией осуществляется между людьми; то есть из ограничений определения Г. Н. Швецово-Водки 2009 года [27, с. 14] получается, что согласно данному определению автором документа должен непременно быть человек.

Рассмотрим составные части этого определения более подробно. «Коммуникационный процесс» предполагает наличие четырех основных элементов: отправителя информации; собственно информации; канала — средства передачи информации; получателя информации [57]. «Канал — средство передачи информации» — это, как следует из определения Г. Н. Швецово-Водки 2007 года [48, с. 4], и есть документ²⁴. Что касается отправителя, то, как следует из расхожего определения коммуникационного процесса [57], им может быть только человек, однако он не обязательно является создателем информации; он может быть

²¹ «Материальный носитель природного или искусственного происхождения, в структуру которого целенаправленно внесены изменения, отображающие смысл информации» [34, с. 26].

²² Мы забежали вперед, однако жаль было пропустить хороший контекст для данного замечания.

²³ Более того, Рождество Христово, характеризующееся апостолом Иоанном формулировкой «Слово стало плотью» (Ин. 1:14), также является своеобразным появлением Документа, т. к. Информация (Благая Весть) облеклась в материальную форму — Иисуса Христа. По-видимому, здесь следовало бы также рассматривать вопрос о воплощении Духа («Бог есть дух» — Ин. 4:24) как предвечной вездесущей и всемогущей Информации в материальную форму — Иисуса Христа, — но для иллюстрации нашей мысли о Боге как авторе приведенного рассуждения о материализации Благой Вести уже достаточно. (Впоследствии — после земной жизни Иисуса Христа — Благая Весть была записана в книгах Нового Завета, приобретя более традиционную документальную форму.)

²⁴ Однако на деле документ — не носитель информации (не «средство ее передачи»), а единство информации и носителя. Тогда «канал» соответствует не документу, а носителю. Что, собственно, и признается уже в определении Г. Н. Швецово-Водки

и «всего лишь» лицом, которое «занимается процессом отбора информации для ее передачи» [59, с. 364].

Заметим при этом, что в соответствии со стандартами ГОСТ 7.0-99 [60, п. 3.1.20] и СТБ ГОСТ 7.0-2004 [61, с. 3] коммуникация — это «управляемая передача информации между двумя или более лицами *и (или) системами*» (выделено нами. — В. Л.). Как известно, и сам человек может восприниматься как система [62, с. 22], но вообще система — это любая «совокупность взаимосвязанных элементов, обособленная от среды и взаимодействующая с ней как целое» [62, с. 82]. Под это определение попадает и Бог; поэтому, если выводить понятие «коммуникационный процесс» из стандартного определения «коммуникации», это добавит еще один формальный аргумент о возможности принятия Бога как отправителя информации²⁵. А вот природа в роли системы — отправителя информации — выступать в соответствии с рассматриваемыми определениями не может, т. к. «передача информации» от природы к человеку *природой не управляется* (вопреки требованиям [60, п. 3.1.20] и СТБ ГОСТ 7.0-2004 [61, с. 3]). Также природа не «обособлена от среды»: картину такой обособленности и представить себе невозможно.

В целом рассмотрение вышеприведенных определений документа, сделанных Г. Н. Швецово-Водкой, действительно подводит к мысли, что, возможно, авторство документа, авторство информации и личность коммуниканта играет меньшую роль в «превращении вещи (фрагмента реальности) в документ», нежели готовность человека познакомиться с информацией, запечатленной в этой «вещи». При этом использование в определении документа понятия «коммуникационный процесс» позволяет признать наличие ситуаций, когда автором и отправителем информации, содержащей-

ся в документе, является Бог, а использование понятия «социальный информационно-коммуникационный процесс» (на котором и остановилась Г. Н. Швецова-Водка) оставляет роль отправителя (коммуниканта) только за человеком. Итак, рассмотренное Г. Н. Швецово-Водкой определение, будучи новым шагом в осознании данного понятия, имеет, казалось бы, свои собственные ограничения. Однако с учетом приведенного выше методологического замечания А. В. Соколова эти ограничения снимаются... А на вопрос «Разве можно себе представить Природу в роли отправителя информации, тем более в качестве “управителя” процессом ее передачи?!» возможен и такой «крамольный» ответ: социальная информационная коммуникация возможна и без отправителя информации. Но обо всем этом — чуть позже.

2.8. «Документальный процесс», «семантический процесс» и роль пользователя документа в постижении его сущности

К последнему рассмотренному нами определению Г. Н. Швецово-Водки примыкает максимально широкое определение документа, приведенное в стандарте ISO 5127:2017, а именно: «записанная информация или материальный объект, который может быть использован в документационном процессе» [63, entry 3.1.1.38]. Здесь вновь знакомое единство информации и носителя, здесь практически отсутствуют ограничения по носителю (они «полуприсутствуют» лишь в примечаниях, и перечень их весьма широк²⁶); также в нем полностью отсутствует ограничение по признаку «созданный человеком». Но как понимать «документационный процесс»? «Определяющее слово (документационный) взято из того же ряда, что и определяемое (документ), а это правилами построения дефиниций запрещено», отмечает по этому поводу Ю. Н. Сто-

2008 года: «...документ — это <...> канал коммуникации, в котором содержится коммуникат — передаваемое сообщение — в закрепленном (фиксированном) виде» [58, с. 36].

²⁵ В таком аргументе, в сущности, также нет необходимости (как и в приведенной выше цитате из А. В. Соколова о том, что «люди могут общаться не только с подобными себе одушевленными субъектами, но и с Богом, с Природой, с компьютерными сетями, и это общение не бессмысленно. Стало быть, источниками смыслов, т. е. коммуникантами в смысловой коммуникации, могут быть не только социализированные личности, владеющие устной и письменной речью, и мы не можем не учитывать этот факт» [31, с. 8]), т. к. данная мысль с очевидностью вытекает из Библии. Дополнительная аргументация приводится для агностиков и неверующих. Мы еще вернемся к этой формулировке А. В. Соколова — хотя «компьютерные сети» хотелось бы исключить из этого ряда сразу же, т. к., по-видимому, реципиенты воспринимают из них информацию, сгенерированную людьми (хотя информация может быть отобрана и адресно предложена компьютерными программами). В любом случае, рассматривать этот пример мы не будем.

²⁶ В примечании 2 к данному определению оговорено, что оно «относится не только к письменным и печатным материалам в бумажной или микроформатной версии (например, обычные книги, журналы, диаграммы, карты), но и к непечатным носителям информации, таким как машиночитаемые и оцифрованные записи, ресурсы интернета и интранета, фильмы, звукозаписи, люди и организации как ресурсы знаний, здания, объекты, памятники, трехмерные объекты или реалии; а также к коллекциям таких предметов или частям таких предметов. <...> Кроме того, программное обеспечение <...>, если оно записано <...>, может считаться документом» [63, entry 3.1.1.38]. Заметим, что данный список поясняет основную формулировку, а не сводит определение документа к ограниченному перечню его разновидностей. Скорее он похож на перечень объектов, роль документа за которыми ранее не признавалась. В целом это примечание с его широким перечнем примеров документов оставляет впечатление, что причиной его появления могла быть и неуверенность авторов стандарта в том, что обобщающая радикальная формулировка будет легко воспринята.

ляров [30, с. 28] и предлагает поэтому называть данный процесс семантическим. Выше мы ассоциировали термин «семантический процесс», определения которого найти нам не удалось (не считая узкоспециального лингвистического, которое по значению явно не подходит), с восприятием значений, смыслов. Но и определения понятия «документационный процесс» найти также не удастся! Если перефразировать определение документации, приведенное в ISO 5127:2017 [63, entry 3.1.1.22], то «документационный процесс» — это, по-видимому, процесс непрерывной и систематической компиляции и обработки записанной информации с целью ее хранения (размещения), классификации, извлечения, использования или передачи. Представляется достаточно очевидным, что это неподходящее значение, т. к. оно указывает на предварительную обработку документов (причем только тех, которые созданы с использованием письменности!) перед его использованием (восприятием), а не на само использование документов. Поэтому будем пока ориентироваться на наше полуинтуитивное понимание термина «семантический процесс». Попытаемся уточнить его трактовку с помощью другой формулировки того же Ю. Н. Столярова, в соответствии с которой «стандарт... не накладывает на понятие “документ” никакого ограничения, кроме одного: чтобы он мог свидетельствовать о чем-то важном для той или иной семантической системы» [30, с. 28]. «Иная семантическая система» — это, по-видимому, сознание потенциального пользователя документа²⁷. Итак, то, что, как кажется, следовало из разбора идей Г. Н. Швецово-Водки (роль готовности человека познакомиться с информацией, запечатленной в вещи, в «превращении» вещи в документ), явно сформулировано здесь Ю. Н. Столяровым. Более того, реализовано в действующем международном стандарте — хотя и неидеально (вследствие использования термина «документационный процесс» и полувразумительного статуса соответствующего примечания).

В этом же ряду определений следует упомянуть о весьма близком по смыслу следующем более раннем определении А. В. Соколова: «документ — это стабильный вещественный объект, предназначенный для использования в социальной коммуникации в качестве завершеного сообщения» [64, с. 82]. Заметим время его появления: 1996 год, а не 2018-й и даже не 2007-й; в столь раннем появлении такого определения — его достоинство. Однако в нем присутствуют некоторые ненужные, на наш взгляд, ограничения. Во-первых, что значит «завершенное

сообщение»? Является ли черновик художественного произведения или научного текста сообщением незавершенным? И даже если это так, разве он не является документом? (Ответ очевиден. По-видимому, речь в определении идет скорее об упорядоченном сообщении или даже о сообщении, которое *представляется упорядоченным получателю.*) Во-вторых, почему «вещественный объект» должен быть стабильным и о какой стабильности идет речь? В своей статье 2009 года А. В. Соколов [26, с. 8] цитирует мысль о том, что стабильность во времени входит в «функциональную сущность документа». Но можно оставить текст на песке (нестабильный вещественный объект?), и при безветрии он сохранится надолго (все же стабильный?)... и при этом может остаться никем не прочитанным. Важна ли при отсутствии состоявшейся «социальной коммуникации» стабильность «вещественного объекта»; является ли документом текст, который заведомо никогда никем не будет прочитан? А ведь можно оставить записку на морском песке, которую через несколько секунд смоеет волной, но осуществить при этом акт коммуникации: в определенной ситуации записка будет прочитана находящимся рядом собеседником. И это может оказаться важнейшим сообщением, когда-либо им полученным! И ничего искусственного в этом примере нет: существуют ситуации, когда «главные слова» людям трудно произнести вслух. Важна ли в описанной ситуации стабильность морского песка, омываемого волной?! Почему нескольких секунд, достаточных для приема сообщения на мокром песке, тех секунд, в течение которых документ был стабилен, нельзя считать достаточной продолжительностью стабильности?! Здравый смысл подсказывает: можно, ибо этих секунд было достаточно для осуществления акта коммуникации. Как формулирует Ю. Н. Столяров, «конечно, “любому документу и/или его варианту присуща неизменность содержания и знаковой формы”. Вот только в течение какого времени длится неизменность: года, минуты?! А если — в течение наносекунды? Тогда писаное вилами по воде (излюбленный пример А. В. Соколова в доказательство того, что эта *писанина* — не документ) — на самом деле стандартный, классический документ» [65, с. 129].

Однако если уделить должное внимание той части формулировки последнего приведенного нами определения А. В. Соколова, в которой говорится, что документом является вещественный объект, *предназначенный для использования в социальной коммуникации*, то оказывается, что это определение ценно для понимания сущности докумен-

²⁷ Определение семантической системы, принятое в лингвистике, здесь явно не подходит.

та. Социальная коммуникация по определению А. В. Соколова, «**есть движение смыслов в социальном времени и пространстве**. Это движение возможно только между субъектами, так или иначе вовлеченными в социальную сферу, поэтому обязательное наличие коммуникантов и реципиентов подразумевается» [31, с. 30]. Итак, формулировку А. В. Соколова «предназначенный для использования в социальной коммуникации» можно переделать в «предназначенный для передачи смыслов человеку». Представляется вполне очевидным, что последняя формулировка почти равноценна и формулировке «может быть использован в семантическом (или документационном) процессе». При этом, однако, хочется обратить внимание на преимущества формулировки «может быть использован» над формулировкой «предназначенный для использования»: действительно, сложно представить себе, например, чтобы документы, созданные природой (которая, согласно А. В. Соколову, является возможным коммуникантом), были *самой природой* и предназначены «для передачи смыслов человеку». Мне могут возразить, что эту предназначенность придает созданным природой фрагментам реальности человек, который и осуществляет «передачу смыслов». Эта мысль подкрепляется тем, что, согласно формулировке того же А. В. Соколова [31, с. 32], «смыслы обнаруживаются не только в продуктах умственной деятельности людей, например в психической или социальной коммуникации <...> и в материальных культурных ценностях (утварь, машины, украшения и пр.): «некоторые особенно чуткие натуры видят осмысленность в природных явлениях». Но если тем не менее порождаемые ей документы сама природа не предназначает для «передачи смыслов» (что представляется вполне очевидным), то более точной будет формулировка не «предназначенный для использования», а «могущий быть использованным».

2.9. **Итак, промежуточное определение?..**

Итак, на данном этапе умозаключений предлагаю «собственное» предварительное определение документа (а точнее, отредактированное определение, основанное на нескольких предыдущих формулировках): документ суть единство информации и ее материального носителя, которое может быть использовано для передачи смыслов человеку. Это определение поглощает и те ситуации, когда коммуникант (человек или Бог) предназначает их

для использования, и те, когда коммуникант (природа) не имеет и не может иметь такого замысла.

2.10. **Непредназначенность документа для передачи смыслов**

И здесь пора обратиться к, казалось бы, очевидной, но ускользающей от внимания ситуации, когда не только природа, но и человек в качестве коммуниканта никоим образом *не предназначает* документ для «передачи смыслов». Когда преступник оставляет на месте преступления свои отпечатки пальцев (этот пример рассматривался выше в несколько ином разрезе), он в буквальном смысле слова создает единство информации и ее материального носителя. Верно, что это единство нельзя признать документом до тех пор, пока отпечатки не будут «сняты» дактилоскопистом и не «включены в новый контекст». При этом согласно принятой логике автором документа следует считать дактилоскописта. Но автором информации и коммуникантом является преступник. Хотя документом его «пальчики» делает потребность криминалистов раскрыть преступление — а вовсе не намерения самого коммуниканта. Таким образом, здесь мы имеем пример того, как действия коммуниканта не имеют ничего общего с тем, чтобы предназначить их результат для «передачи смыслов», — причем пример очевиднейший. А ведь коммуникантом здесь оказывается не «сомнительная» природа, а человек. Отсюда вновь становится ясным, что для понимания природы документа как максимально обобщающего понятия гораздо важнее *внимание* к единству информации и ее материального носителя *со стороны человека-реципиента*, нежели то, было ли это «единство» («эта вещь», «этот фрагмент реальности») вообще кем-либо предназначен для «передачи смыслов»²⁸.

Из дальнейшего будет окончательно ясно, что внимание реципиента к объекту (к «вещи», к «фрагменту реальности»), представляющему собой единство информации и ее материального носителя, его потребность в содержащейся в объекте информации и делает объект документом. Остальное просто неважно и может не рассматриваться.

Стоит лишь принять такую точку зрения и не пытаться ограничивать «документ» в зависимости от того, от какого субъекта исходит информация, — не говоря уже об использовании для отграничения таких необязательных частностей, как наличие «реквизитов», — стоит лишь во главу угла поставить возможность использования материального объек-

²⁸ Не вполне ясно, полностью ли правомерно употребление здесь слова «реципиент», поскольку в контексте коммуникационной проблематики это слово обычно предполагает наличие сознательно адресованного ему сообщения. Однако, как представляется, употребление этого слова делает образ яснее.

та для получения содержащейся в нем необходимой человеку информации, как все становится на свои места. И в получившейся новой стройной картине занимают свои места все те якобы-не-документы, которые все-таки интуитивно воспринимались как документы и потому побуждали специалистов без конца расширять определение понятия «документ»²⁹.

2.11. Инерция трактовки понятия «документ»

...Между тем наряду с интуитивным стремлением к расширению понятия «документ» на нас, пользователей термина «документ», действует и инерция восприятия этого понятия. Речь сейчас идет не об упомянутых в сноске 29 узкоспециальных «отраслевых» дефинициях документа и не о его различных «узких» видах согласно классификации Г. Н. Швецово-Водкой [27, с. 14–37]. Речь о том, что, хотя наш интеллект побуждает нас стремиться к «непривычному» расширению понятия, мы одновременно — именно по инерции — сопротивляемся «слишком» расширенному пониманию знакомого термина. По-видимому, отсюда и происходят такие оговорки в нескольких последних рассмотренных нами определениях, как созданность документа именно человеком, специальная предназначенность его для передачи информации... Подсознание то и дело побуждает пользователей термина «документ» выделять ряд примеров, когда объект, вроде бы обладая всеми признаками документа, документом все же якобы не является.

2.12. Относительность документа

Однако две статьи Ю. Н. Столярова не позволяют подчиниться этому привычному искушению. Собственно, две эти статьи все время учитывались нами при написании данного текста, однако логика изложения, в которой мы пытались хотя бы частично отразить (в меру своего понимания) и логику эволюции понятия «документ», не позволила нам привести соответствующие идеи и цитаты из них в предыдущих местах данного текста. Кроме того, авторский замысел заключался и в том, чтобы логически подвести того читателя, который ранее с данной тематикой глубоко незнакомился, к соответствующим идеям Ю. Н. Столярова. Поэтому, когда мысль о том, что *желание человека познакомиться*

с информацией, запечатленной в той или иной «вещи», и делает «вещь» документом, вытекала в предыдущем тексте из рассмотрения идей Г. Н. Швецово-Водки и изложения формулировок стандартов системы ISO, мы в соответствующих местах данного разбора просто приводили эту мысль — ничем дополнительно ее не подкрепляя. Хотя, казалось бы, были просто обязаны уже там «выстрелить» сногшибательной формулировкой Ю. Н. Столярова об *относительности документа* [33]. Помимо диктата логики изложения наша неспешность с представлением соответствующих идей Юрия Николаевича связана и с тем, что сам Ю. Н. Столяров скромно замечал, что его определение документа (которое будет сейчас приведено) — «всего лишь парафраз определения понятия “документ”, принятого Международной организацией по стандартизации: “Документ — записанная информация или материальный объект, которые могут расцениваться как единица документационного процесса” [63]» [33, с. 74]. Но предоставим, наконец, для оглашения определения слово самому Ю. Н. Столярову: **«...документ есть любой материальный объект, служащий для получения от него требуемой информации. И далее: любой материальный объект является документом только в том случае, если он используется для получения информации»** (Там же)³⁰. Итак, дверная ручка, на которой оставил свои отпечатки пальцев убийца, — не документ до тех пор, пока с ней не поработал соответствующим образом дактилоскопист. А железнодорожный рельс, «деформированный» присевшим на него на секунду комаром, может стать документом, отражающим массу этого комара, если в будущем появятся потребность в изучении подобных «следов» и технология их изучения. Получается, что документ — понятие относительное... а статья Ю. Н. Столярова [33] так и называется: «Теория относительности документа».

В подразделе 2.2 был приведен пример антилопы как документа. На том уровне понимания проблемы *помещение антилопы в зоопарк* создало необходимое закрепление информации на носителе, преобразив антилопу в документ. Более того, *антилопа, помещенная в зоопарк*, идеально соответствует такому (уже дважды упоминавшемуся) определению документа, как «материальный носитель природного или ис-

²⁹ Заметна и обратная тенденция — к сужению определений. Она также понятна, поскольку понятно стремление к терминологической четкости специалистов *в рамках своих областей знаний*. Дефиниций документа действительно «может быть столько, сколько существует областей применения» [41, с. 29]. Мало того, существует общая классификация документов, выполненная Г. Н. Швецово-Водкой [27, с. 14–37], в которой, по ее мысли, соотношения между разными значениями понятия «документ» строятся по «принципу матрешки»: каждое более широкое значение поглощает менее широкое. В принципе, использование при необходимости подобной классификации (мы не будем ее рассматривать) наряду с приятием допустимости «отраслевых представлений о документах», в рамках которых возможны его более узкие, специализированные определения, основанные на определении общем, позволяет достигнуть еще большей четкости в понимании понятия «документ».

³⁰ Парой страниц ниже автор выражается еще более кратко: «Документ есть объект, позволяющий получить от него требуемую информацию» [33, с. 76].

кусственного происхождения, в структуру которого целенаправленно внесены изменения, отображающие смысл информации» [34, с. 26]. Однако, отмечает Ю. Н. Столяров, «если в неволе (в зоопарке; по другим сведениям — в Ботаническом саду Национального музея истории растений, но это в данном случае несущественно) антилопа может рассматриваться как документ, то что мешает ей быть таковым на воле?! Согласимся, что ее изучение в естественных условиях существования способно дать исследователю гораздо больше информации и к тому же более точной, нежели в обстоятельствах, связанных с ограничениями жизнедеятельности» [33, с. 74]. «В самом широком смысле слова документом может считаться решительно любой материальный объект, из которого можно извлечь требуемую информацию. <...> Например, <...> для криминалистики вещественное доказательство — обгоревшая спичка, утерянная пуговица, обрывок газеты... Характерно, что на этих объектах никакой информации не записано, — она создается субъектом на основании имеющихся у него правил производства умозаключений исходя из имеющегося опыта» [28, с. 45]. Итак, «понятие документа относительно и конвенционно, т. е. является результатом соглашения между представителями каждой профессии: какой объект в их среде документом считается, а какой исключается из этого понятия» (Там же). Еще раз: «Документ есть объект, позволяющий получить от него требуемую информацию <...>. Если нужную информацию может предоставить антилопа в саванне, камень в реке и звезда в небе, то в этот момент и для этих целей они представляют собою документы. Если же в информационном отношении перечисленные объекты интереса для субъектов не имеют, то и документами для этих субъектов они не являются. Документ — понятие относительное <...>. Если страница моей глубокомысленной статьи употреблена для того, чтобы сделать из нее кулек для семечек, “козью ножку” с махоркой, обертку для селедки <...>, она, конечно же, перестает быть документом или даже не является им изначально. <...> То, <...> что совсем недавно было деньгами, обернулось фикцией; и трамвайный билет после поездки становится бросовой бумажкой» [33, с. 74].

Итак, повторим определение документа, которое является универсальным: **«...документ есть любой материальный объект, служащий для получения от него требуемой информации. И далее: любой материальный объект является**

документом только в том случае, если он используется для получения информации» [33, с. 74] или «Документ есть объект, позволяющий получить от него требуемую информацию» [33, с. 76]³¹. Это определение документа признаем *окончательным*. Теперь давайте «примерим» к нему «экзотический документ» — антилопу. Антилопа в зоопарке — документ, и это документ для тех, кто не поедет на места ее предполагаемого обитания изучать ее или проверять, правильно ли сообщают о ней специалисты, открывшие эту новую разновидность антилоп. Это документ для тех, кто готов убедиться в этом без затрат своих усилий, это документ для «простых» посетителей зоопарка, пришедших ради развлечения. Но для специалистов, желающих детально изучить данную разновидность антилопы, документом будет антилопа на воле! Ведь, как уже упоминалось, «ее изучение в естественных условиях существования способно дать исследователю гораздо больше информации и к тому же более точной, нежели в обстоятельствах, связанных с ограничениями жизнедеятельности» [33, с. 74]. На каком-то начальном этапе для этого второго круга лиц полезным документом может быть и антилопа в зоопарке, но после извлечения из этого документа всей информации, которую возможно получить «в обстоятельствах, связанных с ограничениями жизнедеятельности», она перестает быть для них документом. В то же время для праздношатающегося по зоопарку никоим образом не является документом «аналогичная» антилопа, обитающая где-то там за тысячи километров от зоопарка. Специфика информационных потребностей реципиентов и делает (или не делает) фрагмент реальности документом. Можно спорить о роли коммуниканта, о взаимоотношениях понятий «коммуникант» и «автор документа», о том, может ли быть природа коммуникантом и т. п., — но действительно важно лишь то, что для постижения понятия «документ» вопрос о коммуниканте может быть просто избыточным. Полагаем, он должен вообще быть опущен: документ делает документом *реципиент!*³²

2.13. Невольный (?) вклад в документологию В. В. Налимова

Необходимо разобрать еще один достаточно неожиданный пример документов: ордена и государственные награды. В. В. Налимов в сво-

³¹ «Кстати, этимология слова документ накладывает на это понятие всего лишь одно ограничение: объект должен служить доказательством, свидетельством чего-нибудь, т. е. предоставлять сведения, или информацию. От кого или от чего информация будет получена — от антилопы, звезды или статьи С. Брие, — это для сущности понятия документ не имеет значения» [33, с. 76].

³² Еще одна статья Ю. Н. Столярова будет рассмотрена в п. 2.14.

ей посмертной книге [66, с. 203] кратко рассматривает возможность использования данных о государственных наградах ученых для количественной оценки их научной деятельности... Однако, перед тем как продвигаться дальше, мы должны привести достаточно обширную цитату из его книги:

«В нашей стране в недавнем прошлом ученый оценивался по наградам (как у военных). Образ ученого благодаря этому оказывался как бы доступным обывателю, оставаясь в то же время таинственным и, пожалуй, даже эзотеричным.

Для расшифровки непонятного, видимо, требуется *орденотрия*.

<...>

Вот перед нами «орденский образ» академика Андрея Николаевича Колмогорова <...>:

Ему присвоено звание Героя Социалистического Труда (1963 г.), он награжден семью орденами Ленина (1944, 1945, 1953, 1961, 1963, 1973, 1975 гг.), медалью «Золотая Звезда» (1963 г.), орденом Трудового Красного Знамени (1940 г.), орденом Октябрьской Революции (1983 г.), многими медалями.

В 1941 г. ему присуждена Сталинская (Государственная) премия, в 1965 г. присуждена Ленинская премия <...>.

Конечно, <...> рисуется и другой образ Колмогорова <...>.

Но вернемся к орденскому образу. Чтобы раскрыть его тайну, надо провести метрический анализ, касающийся как других выдающихся русских математиков, так и партийных деятелей, к которым Колмогоров официально не принадлежал... Многие серьезные деятели науки не имели никаких орденов.

Наукометрия могла бы продемонстрировать истинное положение вещей в табели о рангах и рассказать историю русской интеллигенции, живущей в условиях режима тайной власти» [66, с. 203].

Понятно, что, будучи *материальным объектом, использованным для получения от него требуемой информации*, орден является в рассматриваемом примере *документом*. Правда, сам В. В. Налимов называет совокупность наград текстом. Но при этом следует учитывать не только результаты сравнения смысла, вкладываемого им в слово «орденотрия», со значением термина «документ» «по Ю. Н. Столярову», но и 1) тот факт, что термин «документ» вообще ни разу не используется в книге В. В. Налимова [66]; 2) то значение, которое основоположник наукометрии вкладывает в слово «текст», а именно «результат осмысливания субъектом немых смыслов пространства» [66, с. 156]. В самом

деле, документ «порождается» только когда возникает способность любого материального объекта быть использованным для получения требуемой информации [33]. В то же время, согласно В. В. Налимову, «тексты могут порождаться самым странным образом» (заметим, что используется тот же глагол!) [66, с. 202]; а значения терминов «текст» (согласно [66, с. 156]) и «документ» (согласно [33]) по сути совпадают. Пример с орденами ученых и возможностью их «расшифровки» в качестве наукометрических индикаторов выражает проявление порождения текста или документа — смысл в данном случае един. Вообще, уже на стр. 15–16 посмертного сборника В. В. Налимова «Разбрасываю мысли» [66] указано, что «весь воспринимаемый нами эволюционирующий мир можно рассматривать как множество текстов». И далее: «Когда мы говорим о биосфере, то текстами оказываются отдельные особи, виды и другие составляющие биосферы. Когда мы говорим о социальной сфере, то текстами называем *все серьезные проявления сознания человека, направленные на коммуникацию с другими или даже с самим собой*. Эго человека рассматривается как особый, живой текст, способный самостоятельно изменять, *реинтерпретировать самого себя*» [66, с. 15–16]. Итак, «текст» по Налимову [66] — это «документ» в наиболее широком значении этого термина.

2.14. Устный документ

Мы видим, что в результате прохождения достаточно долгого и тернистого пути выработано наиболее общее определение документа, не требующее решительно никаких терминологических уточнений. Однако в своей статье «Устный документ» Ю. Н. Столяров [30] делает новый шаг к прояснению этого понятия. И хотя общее определение далее не уточняется, однако приводится пример достаточно неожиданной разновидности документа, который демонстрирует, сколь много еще сюрпризов может скрывать данное понятие. Материальным объектом, служащим для получения от него требуемой информации, рассуждает Ю. Н. Столяров, «правомерно считать и человека (кто будет с этим спорить?), располагающего информацией. Способ ее закрепления в случае с человеком, конечно, весьма ненадежный, но о надежности дефиниция умалчивает» [30, с. 26]. «Коль стандарт <ISO 5127> допускает самые разные воплощения документа, в частном случае он может быть и устным» [30, с. 28]. Звучит революционно и написано прекрасно. Но как тут не вспомнить недавно рассматривавшуюся нами мысль В. В. На-

лимова об эго человека как особом виде текста (слово «текст» он употребляет в значении «документ»!) [66, с. 16]? Как не вспомнить о приводимом выше рассуждении о восприятии Иисуса Христа в качестве Документа?³³

Столь удивительный на первый взгляд вывод о правомочности выделения понятия «устного документа» вовсе не свидетельствует о его неожиданности: ведь помимо идей В. В. Налимова [66] и наших ученических рассуждений об Иисусе Христе как о Документе [67] на существование книги в форме устного слова еще в 1928 году указывал Н. А. Рубакин [30, с. 28]. Также указывалось на то, что «древнеиндийские веды существовали в устной форме в течение тысячи лет, прежде чем были записаны» [30, с. 29], причем «святость ритуала» охраняла «информацию, которую он содержит, в течение тысячелетий» [68, с. 42]. В 2009 году, отмечает далее Ю. Н. Столяров, «признание устного документа как равноправного с другими его видами нашло отражение в защищенной в 2009 году диссертации Деборы Тэрнер (Deborah A. Turner, США)» [30, с. 30]. В подтверждение идеи о том, что «устный документ» — не блажь теоретика, а термин, отражающий важный объект реальности, Ю. Н. Столяров приводит также следующую цитату: «облекаясь в письменные знаки, мысль, настроение, чувство теряют какую-то часть информации. Следующий этап потерь начинается, когда мысль воплощается в еще более формализованное печатное слово. Даже в интонации нередко может содержаться не только оттенок высказывания, но и сама мысль. Таким образом, письменность всегда была далеко не идеальной формой передачи и хранения информации» [69, с. 37].

2.15. Об общем и конкретном в определениях документа

И все же поскольку понятие «устного документа» всё же оказывается (несмотря на все изложенное выше!) довольно неожиданным, Ю. Н. Столяров завершает свою статью повторением неоднократно высказывавшейся им мысли: «Давайте признаем, что абстрактная дефиниция (документ — это объект, способный быть единицей семантического процесса), будучи применяема в той или иной социальной системе, каждый раз требует конкретизации в соответствии с профилем и спецификой этой системы. Поскольку существует бесчисленное множество сфер общественного бытия, постольку правомерно и даже неизбежно наличие бесконечного количества конкретных определений документа, уточняющих его общее единое определение» [30, с. 33].

Эта мысль в том же году повторяется в его статье, посвященной творческому вкладу в документологию Г. Н. Швецово-Водки [70, с. 81]; а в 2010 году этой мысли и вовсе была посвящена целая статья [41]. И мысль эта того стоит. Ее также следует иметь в виду при рассмотрении объектов библиометрии, наукометрии и информетрии.

2.16. Ограничения данного анализа

На этом считаем необходимым прекратить общетерминологический анализ, — хотя за пределами изложения и обсуждения осталась, например, интереснейшая и перспективная классификация документов, выполненная Г. Н. Швецово-Водкой [27, с. 14–37], без рассмотрения которой никакой обзор на тему «эволюция понятия “документ”» нельзя было бы признать сколь-либо полным, да и ряд других интересных моментов. Но нашей задачей, повторюсь, было не составление «обзора вообще», а уточнение содержания понятия «документ» именно применительно к последующему рассмотрению вопроса об объекте библиометрии, наукометрии и информетрии.

3. Заключение

Объектом библиометрии, бесспорно, является документ. Еще в 1994 году мы считали, что «доля документа» в объектах наукометрии и информетрии также весьма велика и что, следовательно, различия в объектах библиометрии, наукометрии и информетрии по существу весьма незначительны [16, р. 512–514]. В данной работе предпринята попытка проследить эволюцию понятия «документ» начиная со словарного определения 1975 года [24] по определению международного стандарта 2017-го [63] и публикации Ю. Н. Столярова 2018 [30] годов. В настоящее время «документом» может считаться любой материальный объект (включая самого человека), который может быть использован для получения человеком необходимой ему информации. Однако в восприятии документа как объекта библиометрии специалистами до сих пор не просматриваются изменения, которым подверглось понятие «документ» вне приложения его к «метрическим» исследованиям. Поэтому в целях возможного переосмысления объектов наукометрии и информетрии — равно как и самой библиометрии — следует повторно рассмотреть представления об объектах «метрий» с учетом эволюционировавшего значения термина «документ». Примеры такового рассмотрения будут представлены во второй части статьи.

³³ Возможно, следовало упомянуть, что еще в 1998 году мы выдвигали тезис о правомочности и естественности такого восприятия Иисуса Христа в нашем более чем слабом в богословском отношении докладе [67].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Свиридова М. Ю. Библиометрия как один из инструментов науковедения: история развития и становления. *Библиотеки вузов Урала*. 2013; 12:14–24.
2. Редькина Н. С. Библиометрия: история и современность. *Молодые в библиотечном деле*. 2003;2:76–86.
3. Chu H., Ke Q. Research methods: What's in the name? *Library & Information Science Research*. 2017;(39)4: 284–294. <https://doi.org/10.1016/j.lisr.2017.11.001>
4. Лазарев В. С. Библиометрия. В кн.: *Вопросы библиографоведения и библиотековедения: Межвед. сб.* Минск: Изд-во «Университетское», 1991;12:3–18. URL: https://www.researchgate.net/publication/309193751_Bibliometria_Bibliometrics (дата обращения: 18.09.2020).
5. Фокеев В. А. *Библиографическая наука и практика: терминологический словарь*. Под науч. ред. Г. В. Михеева. СПб.: Профессия, 2008. 272 с.
6. Гордукалова Г. Ф. Библиометрия, наукометрия и вебометрия — от числа строк в работах Аристотеля. *Научная периодика: проблемы и решения*. 2014;2(20):40–46.
7. Bonitz M. Scientometrie, Bibliometrie, Informetrie. *Zentralblatt für Bibliothekswesen*. 1982;92(1):19–23.
8. Столяров Ю. Н. *Библиотека: структурно-функциональный подход*. М.: Книга, 1981. 255 с.
9. Отле П. Трактат о Документации. В кн.: *Отле П. Библиотека, библиография, документация: Избранные труды пионера информатики*. Рос. гос. б-ка. Пер. с англ. и фр. Р. С. Гиляревского и др. М.: ФАИР-ПРЕСС, Пашков дом, 2004. С. 187–309.
10. Ванеев А. Н. *Развитие библиотечковедческой мысли в СССР*. М.: Книга, 1980. 232 с.
11. Egghe L. Bridging the gaps — conceptual discussion on informetrics. *Scientometrics*. 1994;30(1):35–47.
12. Prichard A. Statistical bibliography or bibliometrics? *Journal of Documentation*. 1969;25(4):348–349.
13. Schmidmaier D. Application of bibliometrics in technical university libraries. In: *Developing library effectiveness for next decade: Proceedings of the 7th Meeting IATUL*, Leuven, 1977, 16–21 May. Göteteburg; 1978. P. 129–135.
14. Воверене О. Библиометрия — структурная часть методологии информатики. *Научно-техническая информатика*. Сер. 1. 1985;7:1–5.
15. Маршакова-Шайкевич И. В. *Роль библиометрии в оценке исследовательской активности науки*. В кн.: *Управление большими системами*. Специальный выпуск 44: «Наукометрия и экспертиза в управлении наукой». Ин-т проблем управления им. В. А. Трапезникова. М., 2013. С. 210–247.
16. Lazarev V. S. Notion of a document: a center of “gravity attraction” for getting metricians together. *Scientometrics*. 1994;30(2–3):511–516.
17. Горькова В. И. Информетрия (Количественные методы в научно-технической информации). В кн.: *Итоги науки и техники. Сер. Информатика*. М.: ВИНТИ, 1988. 328 с.
18. Brookes B. C. Comments on the scope of bibliometrics. In: *Egghe L., Rousseau R. (Eds). Informetrics 87/88: Proceedings of the First International Conference on Bibliometrics and Theoretical Aspects of Information Retrieval*, Diepenbeek, Belgium, 25–28 August 1987, Elsevier Science Publishers, Amsterdam — New York — Oxford — Tokyo; 1980. P. 29–41.
19. Дадалко В. А., Дадалко С. В. Метрические исследования как форма анализа научной продуктивности. *Знание. Понимание. Умение*. 2019;2:125–136.
20. Wormell I. Informetrics: an emerging subdiscipline in information science. *Asian Libraries*. 1998;7(10):257–268.
21. Пенькова О. В., Тютюнник В. М. Информетрия, наукометрия и библиометрия: наукометрический анализ современного состояния. *Вестник Тамбовского государственного университета. Сер.: Естественные и технические науки*. 2001;6(1):86–88.
22. Соколов А. В. Детерминизм и деонтология в документной коммуникационной системе (постановка проблемы). *Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств*. 2008;4(16):6–33.
23. Glänzel W., Schoepflin U. Little scientometrics, big scientometrics... and beyond? *Scientometrics*. 1994;30(2–3):375–384.
24. *Терминологический словарь по информатике*. Междунар. центр науч. и техн. информ. М.: МЦНТИ, 1975. 752 с.
25. Almind T. C., Ingwersen P. Informetric analyses on the world wide web: methodological approaches to ‘webometrics’. *Journal of Documentation*, (1997);53(4):404–426. <https://doi.org/10.1108/EUM000000007205>
26. Соколов А. В. Эпистемология документа (Методологический очерк). *Научно-техническая информатика*. Сер. 2. 2009;3:1–12.
27. Швецова-Водка Г. Н. *Общая теория документа и книги: Учебное пособие*. М.: Рыбари; Киев: Знания; 2009. 487 с.
28. Столяров Ю. Н. *Формирование библиотечного фонда: практическое пособие*. МГУКИ. СПб.: Профессия, 2015. 508 с.

29. Ларьков Н. С. *Документоведение: учебник. 3-е изд., перераб. и доп.* М.: Проспект, 2017. 416 с.
30. Столяров Ю. Н. Устный документ. *Український журнал з бібліотекознавства та інформаційних наук.* 2018;2018а(2):24–36.
31. Соколов А. В. *Общая теория социальной коммуникации: Учебное пособие.* СПб.: Изд-во Михайлова В. А., 2002. 461 с.
32. ГОСТ 16487-83. *Делопроизводство и архивное дело: Термины и определения.* Переиздание (январь 2009). Минск: БелГИСС, 2009. 13 с.
33. Столяров Ю. Н. Теория относительности документа. *Научные и технические библиотеки.* 2006;7:73–78.
34. Зиновьева Н. Б. Информационная культура личности: Введение в курс. Учебное пособие. Краснодар, 1996. 319 с. Цит. по: Моргенштерн И. Г. Документ: информация и/или носитель? *Научные и технические библиотеки.* 2003;1:123–127.
35. Гриханов Ю. А., Столяров Ю. Н. Документ. В кн.: *Библиотечная энциклопедия.* Гл. ред. Ю. А. Гриханов. М.: Пашков дом, 2007. С. 358–359.
36. Гиляревский Р. С. *Информационная сфера: краткий энциклопедический словарь.* СПб.: Профессия, 2016. 304 с.
37. СТБ 2059-2013. *Делопроизводство и архивное дело. термины и определения.* Издание официальное. Минск: БелГИСС, 2013. 20 с.
38. ГОСТ Р 7.8-2013 СИБИД. *Делопроизводство и архивное дело: Термины и определения.* URL: <https://dokipedia.ru/document/5312378> (дата обращения: 23.07.2020).
39. ДСТУ 3017-95. Видання. Основні види. Терміни та визначення. Цит. по: Тюрикова Н. А. Особенности представления терминологии предметной области «Делопроизводство и архивное дело» в лексикографических источниках. *Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2: Языкознание.* 2016;1(30):87–95.
40. ДСТУ 2732-2004. Діловодство й архівна справа. Терміни та визначення понять. Цит. по: Тюрикова Н. А. Особенности представления терминологии предметной области «Делопроизводство и архивное дело» в лексикографических источниках. *Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2: Языкознание.* 2016;1(30):87–95.
41. Столяров Ю. Н. Документ: инвариантная и вариативная компонента дефиниции. *Научные и технические библиотеки.* 2010;11:25–33.
42. *Библиотечная энциклопедия.* Гл. ред. Ю. А. Гриханов. М.: Пашков дом, 2007. 1300 с.
43. Требования Государственного стандарта Республики Беларусь СТБ 6.38-2004 по делопроизводству. URL: <http://www.rabotni-ka.narod.ru/IndS20.html> (дата обращения: 24.07.2020).
44. Моисеенко О. Делопроизводство: разбираемся в терминах. *Секретарское дело.* 2012;9. URL: <https://profmedia.by/pub/sec/art/69961/> (дата обращения: 24.07.2020).
45. Плешкевич Е. А. Основы общей теории документа. Саратов, 2005. 95 с. Цит. по: Соколов А. В. Эпистемология документа (Методологический очерк). *Научно-техническая информация. Сер. 2.* 2009;3:7.
46. СТБ ISO 9000-2015. *Системы менеджмента качества. Основные понятия и словарь.* Минск: БелГИСС, 2015. 54 с.
47. ГОСТ Р ИСО 9000-2015. Национальный стандарт Российской Федерации. Системы менеджмента качества. Основные положения и словарь. URL: <http://docs.cntd.ru/document/1200124393> (дата обращения: 28.07.2020).
48. Швецова-Водка Г. Н. К дискуссии об определении документа. *Научно-техническая информация. Сер. 1.* 2007;8:1–6.
49. ISO 9000:2015(en) Quality management systems — Fundamentals and vocabulary. ISO Online Browsing Platform (OBP). URL: <https://www.iso.org/obp/ui/#iso:std:iso:9000:ed-4:v1:en> (дата обращения: 28.07.2020).
50. Соколов А. В. На путях познания документосферы. Ч. 2. *Науч. и техн. б-ки.* 2016;6:3–22.
51. Урсул А. Д. *Информация: методологические аспекты.* М., 1971. 293 с.
52. Соколов А. В. Информатические опусы. Опус 1. Блуждая в дебрях информатизации. *Науч. и техн. библиотеки.* 2010;8:5–26.
53. Воробьев Г. Г. Информационная теория документа: Автореф. дис. ... д-ра тех. наук. МГИАИ. М., 1979. Цит. по: Соколов А. В. На путях познания документосферы. Ч. 2. *Науч. и техн. б-ки.* 2016;6:3–22.
54. Толковый словарь Ушакова. *Словари и энциклопедии на Академике.* URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/737294#sel=5:1,5:1> (дата обращения: 28.07.2020).
55. Энциклопедия Брокгауза и Ефрона. *Словари и энциклопедии на Академике.* URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/brokgauz/3750> (дата обращения: 28.07.2020).
56. Инсталляция (искусство). *Википедия — свободная энциклопедия.* URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Инсталляция_\(искусство\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Инсталляция_(искусство)) (дата обращения: 28.07.2020).
57. Коммуникационный процесс. *Psyera-Ψ: Психологическое сообщество.* URL: <https://psyera.com>

- ru/4825/kommunikacionnyy-process (дата обращения: 16.07.2020).
58. Швецова-Водка Г. Н. Определение объекта и предмета документоведения. *Научные и технические библиотеки*. 2008;4:30–44.
59. Недосека В. О., Кандалов В. И. *Сущность и содержание коммуникационного процесса*. В кн.: *Россия и мир: развитие цивилизаций. Трансформация политических ландшафтов за период 1999–2019 годы: Материалы IX Международной научно-практической конференции: в 2-х частях*. М.: Институт мировых цивилизаций, 2019. С. 363–366.
60. ГОСТ 7.0-99. СИБИД. Межгосударственный стандарт. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Информационно-библиотечная деятельность, библиография. Термины и определения. URL: <http://docs.cntd.ru/document/gost-7-0-99> (дата обращения: 29.07.2020).
61. СТБ ГОСТ 7.0-2004 Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Информационно-библиотечная деятельность, библиография: Термины и определения. Минск: Дзяржстандарт, 2004. 35 с.
62. Перегудов Ф. И., Тарасенко Ф. П. *Введение в системный анализ*. М.: Высшая школа, 1989. 360 с.
63. ISO 5127:2017(en) Information and documentation — Foundation and vocabulary. ISO Online Browsing Platform (OBP). URL: <https://www.iso.org/obp/ui/#iso:std:iso:5127:ed-2:v1:en> (дата обращения: 29.07.2020).
64. Соколов А. В. *Введение в теорию социальной коммуникации: Учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений, обучающихся по спец. «Культурология»*. СПб.: Гуманитар. ун-т профсоюзов, 1996. 320 с.
65. Столяров Ю. Н. Документ: и информация, и носитель. *Научные и технические библиотеки*. 2003;2:128–129.
66. Налимов В. В. *Разбрасываю мысли. В пути и на перепутье*. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 344 с.
67. Лазарев В. С. О взаимосвязи информации и документа в контексте Нового Завета. В кн.: *IV Международные Кирилло-Методиевские чтения, посвященные Дням славянской письменности и культуры: Материалы чтений (Минск, 24–26 мая 1998 г.)*. В 2 ч. Ч. 1. Европейский гуманитарный ун-т, Белорусский ун-т культуры. Минск, 1999. С. 149–158.
68. Семенковер Б. А. Эволюция информационной деятельности до книгопечатания. М.: Пашков дом, 2017. 589 с. Цит. по: Столяров Ю. Н. Устный документ. *Український журнал з бібліотекознавства та інформаційних наук*. 2018;2:26.
69. Сухоруков К. М. Книга в будущем (зарубежные оценки, тенденции, прогнозы). В кн.: *Книга. Исследования и материалы*. М.: Терра, 1993. С. 26–38. Цит. по: Столяров Ю. Н. Устный документ. *Український журнал з бібліотекознавства та інформаційних наук*. 2018;2:26.
70. Столяров Ю. Н. Вклад Г. Н. Швецово-Водки в документологию. К 75-летию со дня рождения. *Науч. и техн. б-ки*. 2018;11:78–89.

REFERENCES

- Sviridova M. U. Bibliometrics as one of the tools of science of science: the history of its development and formation. *Biblioteki vuzov Urala = Libraries of the Higher Educational Establishments of Ural*. 2013;(12):14–24 (In Russ.)
- Red'kina N. S. Bibliometrics: history and modernity. *Molodye v biblioteknom dele = Young in Librarianship*. 2003;(2):76–86 (In Russ.)
- Chu H., Ke Q. Research methods: What's in the name? *Library & Information Science Research*. 2017;(39)4:284–294. <https://doi.org/10.1016/j.lisr.2017.11.001>
- Lazarev V. S. Bibliometrics. In: *Voprosy bibliografovedeniya i bibliotekovedeniya: Mezhdvdomstvennyi sbornik*. Minsk: Universitetskoe Publ., 1991;12:3–18 (In Russ.) Available at: https://www.researchgate.net/publication/309193751_Bibliometria_Bibliometrics (assessed 18 September 2020).
- Fokeev V. A. *Bibliographic science and practice: terminological dictionary*. Edited by G. V. Mikheev. St. Petersburg: Professiya Publ., 2008. 272 p. (In Russ.)
- Gordukalova G. F. Bibliometrics, scientometrics and webometric—starting with the number of rows in the works of Aristotle. *Nauchnaya periodika: problemy i resheniya = Scientific periodicals: problems and solutions*. 2014;2(20):40–46 (In Russ.)
- Bonitz M. Scientometrie, Bibliometrie, Informetrie. *Zentralblatt für Bibliothekswesen*. 1982;92(1):19–23.
- Stolyarov Yu. N. *Library: a structural and functional approach*. Moscow: Kniga Publ., 1981. 255 p. (In Russ.)
- Otlet P. A treatise on Documentation. In: *Otlet P. Library, bibliography, documentation. Selected works of the information science pioneer*. Moscow: FAIR-PRESS, Pashkov dom, 2004. P. 187–309. (In Russ.)
- Vaneev A. N. *Development of library science in the USSR*. Moscow: Kniga Publ., 1980. 232 p. (In Russ.)
- Egghe L. Bridging the gaps — conceptual discussion on informetrics. *Scientometrics*. 1994;30(1):35–47.
- Prichard A. Statistical bibliography or bibliometrics? *Journal of Documentation*. 1969;25(4):348–349.

13. Schmidmaier D. Application of bibliometrics in technical university libraries. In: *Developing library effectiveness for next decade: Proceedings of the 7th Meeting IATUL*, Leuven, 1977, 16–21 May. Göteteburg, 1978. P. 129–135.
14. Voverene O. Bibliometrics is a structural part of the methodology of information science. *Nauchno-tehnicheskaya informatsiya. Ser. 1. = Scientific and technical information, Ser. 1.* 1985;(7):1–5 (In Russ.).
15. Marshakova-Shaikovich I. V. The role of bibliometrics in evaluating research activity of science. In: *Management of large systems. Special issue 44 "Scientometrics and expertise in the management of science"*. Moscow, 2013. P. 210–247 (In Russ.).
16. Lazarev V. S. Notion of a document: a center of "gravity attraction" for getting metricians together. *Scientometrics.* 1994;30(2–3):511–516.
17. Gor'kova V. I. Informetrics. Quantitative methods in scientific and technical information. In: *Outcomes of science and technology. Ser. Information science.* Moscow: VINITI, 1988. 328 p. (In Russ.)
18. Brookes B. C. Comments on the scope of bibliometrics. In: Egghe L., Rousseau R. (Eds). *Informetrics 87/88: Proceedings of the First International Conference on Bibliometrics and Theoretical Aspects of Information Retrieval*, Diepenbeek, Belgium, 25–28 August 1987, Elsevier Science Publishers, Amsterdam — New York — Oxford — Tokyo, 1980. P. 29–41.
19. Dadalko V. A., Dadalko S. V. [Metric research as a form of analysis of scientific productivity] *Metricheskije issledovaniya kak forma analiza nauchnoi produktivnosti. Znanie. Understanding. Skill. = Znanie. Ponimanie. Umenie.* 2019;(2): 125–136 (In Russ.).
20. Wormell I. Informetrics: an emerging subdiscipline in information science. *Asian Libraries.* 1998;7(10):257–268.
21. Pen'kova O. V., Tyutyunnik V. M. Informetrics, scientometrics and bibliometrics: scientometric analysis of the present state of things. *Vestnik Tambovskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Estestvennye i tekhnicheskije nauki = Tambov University Reports. Series Natural and Technical Sciences.* 2001;6(1):86–88 (In Russ.)
22. Sokolov A. V. Determinism and deontology in the document communication system (problem statement). *Vestnik Chelyabinskoi gosudarstvennoi akademii kul'tury i iskusstv = Herald of the Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts.* 2008;4(16):6–33 (In Russ.)
23. Glänzel W., Schoepflin U. Little scientometrics, big scientometrics... and beyond? *Scientometrics.* 1994;30(2–3):375–384.
24. Dictionary of Informatics Terms. Moscow: International Center for Scientific and Technical Information, 1975. 752 p. (In Russ.).
25. Almind T. C., Ingwersen P. Informetric analyses on the world wide web: methodological approaches to 'webometrics'. *Journal of Documentation,* (1997);53(4):404–426. <https://doi.org/10.1108/EUM000000007205>
26. Sokolov A. V. Epistemology of the document (Methodological essay). *Nauchno-tehnicheskaya informatsiya. Ser. 2. = Scientific and Technical Information. Ser. 2.* 2009;(3):1–12 (In Russ.).
27. Shvetsova-Vodka G. N. *General theory of documents and books: Textbook.* Moscow: Rybari; Kiev: Znaniya Publ., 2009. 487 p. (In Russ.).
28. Stolyarov Yu. N. *Formation of the library stock: a practical guide.* St.-Petersburg: Professiya Publ., 2015. 508 p. (In Russ.).
29. Lar'kov N. S. *Documentology: Textbook.* 3rd ed, revised and enhanced. Moscow: Prospekt Publ., 2017. 416 p. (In Russ.).
30. Stolyarov Yu. N. Oral document. *Ukrain'skii zhurnal z bibliotekoznavstva ta informatsiinih nauk = Ukrainian journal of library science and information science.* 2018;(2):24–36 (In Russ.).
31. Sokolov A.V. *General theory of social communication: Textbook.* St.-Petersburg: Mikhailov V. A. Publ., 2002. 461 p. (In Russ.).
32. Records management and organization of archives: Terms and definitions. GOST of the Republic of Belarus 16487-83. Re-release (January 2009). Minsk: Gosstandart Publ., 2009. 13 p. (In Russ.).
33. Stolyarov Yu. N. The theory of relativity of the document. *Nauchnye i tekhnicheskije biblioteki = Scientific and technical libraries.* 2006;(7):73–78 (In Russ.).
34. Zinov'eva N. B. *Information culture of the individual: Introduction to the course.* Textbook. Krasnodar, 1996. 319 p. Cited according to: Morgenstern I. G. Document: information and/or carrier? *Nauchnye i tekhnicheskije biblioteki = Scientific and technical libraries.* 2003;(1):123–127 (In Russ.).
35. Grikhanov Yu. A., Stolyarov Yu. N. Document. In: *Library encyclopedia.* Edited by Yu. A. Grikhanov. Moscow: Pashkov dom Publ., 2007. P. 358–359. (In Russ.)
36. Gilyarevskii P. C. *Information sphere: a concise encyclopedia.* St.-Petersburg: Professiya Publ., 2016. 304 p. (In Russ.).
37. Records management and organization of archives: Terms and definitions. STB (State Standard of the Republic of Belarus) 2059-2013. Minsk: Gosstandart Publ., 2013. 20 p. (In Russ.).
38. Records management and organization of archives: Terms and definitions. GOST R 7.8-2013 (National Standard of the Russian Federation) Available at: <https://dikipedia.ru/document/5312378> (accessed 23 July 2020) (In Russ.).

39. Publications: main types. Terms and definitions. DSTU (State Standard of the Ukraine) 3017-95. Cited according to Tyurikova N. A. Specific features of representation of terminology of the subject area "Record management and archival business" in lexicographic sources. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 2: Yazykoznanie = Science Journal of Volgograd State University. Linguistics.* 2016;1(30):87–95 (In Russ.).
40. Records management and organization of archives. Terms and definitions. DSTU (State Standard of the Ukraine) 2732-2004. Cited according to: Tyurikova N. A. Specific features of representation of terminology of the subject area "Record management and archival business" in lexicographic sources. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 2: Yazykoznanie = Science Journal of Volgograd State University. Linguistics.* 2016;1(30):87–95 (In Russ.).
41. Stolyarov Yu. N. Document: invariant and variable components of the definition. *Nauchnye i tekhnicheskie biblioteki. = Scientific and technical libraries.* 2010;(11):25–33 (In Russ.).
42. *Library encyclopedia.* Edited by Yu. A. Grikanov. Moscow: Pashkov dom Publ., 2007. 1300 p. (In Russ.).
43. Requirements of the State standard of the Republic of Belarus STB 6.38-2004 on record management Available at: <http://www.rabotni-ka.narod.ru/IndS20.html> (accessed 24 July 2020).
44. Moiseenko O. Office management: understanding the terms. *Sekretarskoe delo = Secretarial business.* 2012;9. Available at: <https://profmedia.by/pub/sec/art/69961/> (accessed 24 July 2020).
45. Pleshkevich E. A. *Fundamentals of the general theory of documents.* Saratov, 2005. 95 p. Cited according to: Sokolov A. V. Epistemology of the document (Methodological essay). *Nauchno-tekhnicheskaya informatsiya. Ser. 2. = Scientific and Technical Information. Ser. 2.* 2009;(3):1–12 (In Russ.).
46. Quality management system. Basic provisions and vocabulary. STB ISO 9000-2015 (ISO 9000:2015, IDT). — Instead of STB ISO 9000-2006; introduced 2016-03-01. Minsk: Gosstandart Publ., 2015. 54 p. (In Russ.).
47. Quality management system. Basic provisions and vocabulary (Amended) GOST R ISO 9000-2015 (National Standard of the Russian Federation) (In Russ.). Available at: <http://docs.cntd.ru/document/1200124393> (accessed 28 July 2020).
48. Shvetsova-Vodka G. N. Towards the discussion about the definition of the documents. *Scientific and technical information. Ser. 1. = Nauchno-tekhnicheskaya informatsiya. Ser. 1.* 2007;(8):1–6 (In Russ.).
49. ISO 9000:2015(en) Quality management systems — Fundamentals and vocabulary. ISO Online Browsing Platform (OBP). Available at: <https://www.iso.org/obp/ui/#iso:std:iso:9000:ed-4:v1:en> (accessed 28 July 2020).
50. Sokolov A. V. On the ways of cognition of the document sphere. Part 2. *Scientific and technical libraries = Nauchnye i tekhnicheskie biblioteki.* 2016;(6):3–22 (In Russ.).
51. Ursul A. D. *Information: methodological aspects.* Moscow, 1971. 293 p. (In Russ.).
52. Sokolov A. V. Information science opuses. Opus 1. Wandering in the wilds of informatization. *Scientific and technical libraries = Nauchnye i tekhnicheskie biblioteki.* 2010;(8):5–26 (In Russ.).
53. Vorob'ev G. G. *Information theory of the document: Synopsys of the Doctoral Dissertation (Technical Sciences).* Moscow, 1979. Cited according to: Sokolov A. V. On the ways of cognition of the document sphere. Part 2. *Scientific and technical libraries = Nauchnye i tekhnicheskie biblioteki.* 2016;(6):3–22 (In Russ.).
54. Ushakov's explanatory dictionary. (In Russ.). Available at: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/737294#sel=5;1,5;1n> (accessed 28 July 2020)
55. *Brockhaus and Efron encyclopedia.* (In Russ.). Available at: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/brokgauz/3750> (accessed 28 July 2020).
56. Installation (art). *Wikipedia, the free encyclopedia.* Available at: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Инсталляция_\(искусство\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Инсталляция_(искусство)) (accessed 28 July 2020) (In Russ.).
57. Communication process. *Psyera-Ψ: Psychological community.* Available at: <https://psyera.ru/4825/kommunikacionnyy-process> (accessed 16 August 2020) (In Russ.).
58. Shvetsova-Vodka G. N. Defining the object and subject of documentology. *Nauchnye i tekhnicheskie biblioteki = Scientific and technical libraries.* 2008;(4):30–44 (In Russ.).
59. Nedoseka V. O., Kandalov V. I. The essence and content of the communication process. In: *Russia and the world: the development of civilizations. transformation of political landscapes for the period 1999-2019. Proceedings of the IXth international scientific and practical conference: in 2 parts.* Moscow: Institute of world civilizations, 2019. P. 363–366 (In Russ.).
60. System of standards on information, librarianship and publishing. Information and librarian activity, bibliography. Terms and definitions. GOST 7.0-99. (Interstate standard) (In Russ.) Available at: <http://docs.cntd.ru/document/gost-7-0-99> (accessed 29 July 2020).
61. System of standards on information, librarianship and publishing. Information and librarian activity, bibliography. Terms and definitions. STB GOST

- 7.0-2004. Minsk: Gosstandart Publ., 2004. 35 p. (In Russ.).
62. Peregudov F. I., Tarasenko F. P. *Introduction to system analysis*. Moscow: Vysshaya shkola Publ., 1989. 360 p. (In Russ.).
63. ISO 5127:2017(en) Information and documentation — Foundation and vocabulary. ISO Online Browsing Platform (OBP). Available at: <https://www.iso.org/obp/ui/#iso:std:iso:5127:ed-2:v1:en> (accessed 29 July 2020).
64. Sokolov A. V. *Introduction to the theory of social communication: Textbook for University students who study in the specialty of "Culturology"*. St. Petersburg, 1996. 320 p. (In Russ.).
65. Stolyarov Yu. N. Document: both information and media. *Scientific and technical libraries = Nauchnye i tekhnicheskie biblioteki*, 2003;(2):128–129 (In Russ.).
66. Nalimov V. V. *Scattering my thoughts. On the road and at the crossroad*. Moscow: Progress-Traditsiya Publ., 2000. 344 p. (In Russ.).
67. Lazarev V. S. On the relationship of information and document in the context of the New Testament. In: *IVth International Cyril and Methodius readings dedicated to the days of Slavic writing and culture. Materials of Readings (Minsk, May 24–26, 1998)*. In 2 parts. Part 1. Minsk, 1999. P. 149–158 (In Russ.).
68. Semenkov B. A. The evolution of information activities before printing. Moscow: Pashkov dom, 2017. 589 p. Cited according to: Stolyarov Yu. N. Oral document. *Ukrain'skii zhurnal z bibliotekoznavstva ta informatsiinih nauk = Ukrainian journal of library science and information science*. 2018;2:26 (In Russ.).
69. Sukhorukov K. M. Book in the future (foreign estimates, trends, forecasts). In: *Book. Research and materials*. Moscow: Terra Publ, 1993. P. 26–38. Cited according to: Stolyarov Yu. N. Oral document. *Ukrain'skii zhurnal z bibliotekoznavstva ta informatsiinih nauk = Ukrainian journal of library science and information science*. 2018;2:26 (In Russ.).
70. Stolyarov Yu. N. The Contribution of G. N. Shvetsova-Vodka to documentology. On the 75th anniversary of her birth. *Scientific and technical libraries = Nauchnye i tekhnicheskie biblioteki*, 2018;(11):78–89 (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Владимир Станиславович Лазарев, ведущий библиограф отдела развития научных коммуникаций Научной библиотеки Белорусского национального технического университета;
vslazarev@bntu.by
Researcher ID: D-5165-2016;
ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-0387-4515>;
Google Scholar: <https://scholar.google.ru/citations?user=-C7EcR8AAAAJ&hl=ru&oi=sra>;
Research Gate: https://www.researchgate.net/profile/Vladimir_Lazarev6

Vladimir S. Lazarev, Leading Bibliographer of the Department for Scientific Communications Development, Scientific Library of the Belarusian National Technical University;
vslazarev@bntu.by
Researcher ID: D-5165-2016;
ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-0387-4515>;
Google Scholar: <https://scholar.google.ru/citations?user=-C7EcR8AAAAJ&hl=ru&oi=sra>;
Research Gate: https://www.researchgate.net/profile/Vladimir_Lazarev6